

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ΜΑΣΚΑΡΑΔ

Maskerade

Терри Пратчетт
Маскарад
Серия «Плоский мир»
Серия «Ведьмы», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121046
Маскарад: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19541-1

Аннотация

Шоу должно продолжаться! Хахахахаха! [Примечание: здесь и далее безумный смех принадлежит Призраку Оперы.] Даже если кто-то умер [Хахаха!!!], нужно оттащить его в сторонку и все равно продолжать шоу. И ни в коем случае нельзя занимать ложу номер 8, ведь она предназначена для того самого Призрака, который дарит успешным певицам стебли от роз и между делом зачем-то убивает людей. [Хахаха!!!] А что, если его прогнать по улицам города и скинуть в реку Анк, дабы злодею неповадно было? [Хахаха???)

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

117

Терри Пратчетт

Маскарад

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я приношу свою искреннюю благодарность людям, которые продемонстрировали мне, что опера – вещь гораздо более странная, чем мне казалось прежде. Пожалуй, самой лучшей благодарностью будет,

если я вовсе не стану упоминать здесь их имена.

Ветер завывал. Горы раскалывались под напором бури. Молния беспорядочно тыкалась в утесы, словно старческий палец, выковыривающий из вставной челюсти смородиновое зернышко.

В шумно колыхающихся на ветру зарослях дрока вспыхнул неверный под порывами ветра огонек.

– Когда мы вновь увидимся... вдвоем? – возопил чудной, жутковатый голосок.

Над землей в очередной раз прокатился раскат грома.

– И зачем было орать? – ответил другой голос, наделенный гораздо более привычными уху модуляциями. – Из-за тебя я уронила тост в костер.

Нянюшка Ягг уселась обратно на свое место.

– Прости, Эсме. Я, это... как бы объяснить... уважение к прежним временам, традиции... Но согласна, звучит не ахти, как-то неправильно.

– А я только его поджарила как надо, только он стал таким золотистым...

– Ну прости.

– ...И тут ты орать.

– Извини.

– Я к тому, я ведь не глухая. Что мешало спросить нормально? И я бы ответила, что, мол, в следующую среду и увидимся.

– Прости.

– Отрежь мне еще кусочек.

Кивнув, нянюшка Ягг обернулась.

– Маграт, отрежь-ка матушке Ветровоск еще... О... Это я по привычке, все забываю. Ну да ничего, сама отрежу.

– Ха! – откликнулась матушка Ветровоск, не сводя глаз с пылающего огня.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме завывания ветра и странных звуков – нянюшка Ягг резала хлеб. По своей результативности это ее действие могло соперничать разве что с попытками распилить циркулярной пилой пуховую перину.

– Я надеялась, если мы сюда придем, тебя это немножко взбодрит... – через некоторое время произнесла нянюшка.

– Да ну. – Это был не вопрос.

– Вроде как поможет развеяться, – продолжала нянюшка, внимательно следя за выражением лица подруги.

– М-м? – Матушка все так же хмуро таранилась в костер.

«Ой-ей, – подумала нянюшка. – А вот этого говорить не следовало...»

Дело в том, что... в общем, дело в том, что нянюшка Ягг была встревожена. Очень встревожена. Ей казалось... всего-навсего *казалось*, но и это уже знак... что ее подруга... даже подумать страшно... что она в некотором роде начала... не к ночи будет помянуто... одним словом, начала чернеть...

Такое порой случается – с самыми могущественными ведьмами. А матушка Ветровоск была чертовски могущественной ведьмой. Сейчас она, наверное, еще сильнее, чем была в свое время Черная Алиса. Эта самая Алиса стяжала себе очень дурную славу, а что с ней случилось в конце, все знают: пара ребятишек затолкала Черную Алису в ее же собственную печку. Все тогда так радовались этому, так радовались... Хотя печку потом неделю было не отчистить.

Но Алиса до самого своего последнего дня, вплоть до самой своей страшной кончины, терроризировала Овцепики. Она настолько преуспела в ведьмовстве, что только о нем одном и думала.

Говорят, никакое оружие ее не брало. Мечи отскакивали от ее кожи. А еще говорят, будто бы от ее безумного хохота волосы вставали дыбом у всей округи. Разумеется, в некоторых обстоятельствах без такого хохота, именно безумного – обязательной части ведьмовского профессионального инвентаря, – не обойтись. Однако ее хохот был *абсолютно чок-*

нутым, самым что ни на есть наихудшим. Кроме того, Черная Алиса превращала людей в пряники, а дом у нее был из лягушек. И чем дальше, тем больше – ближе к концу стало совсем гадко. Так всегда бывает, когда добрая ведьма превращается в злую.

Конечно, добрые ведьмы не всегда превращаются в злых. Иногда они просто... куда-то уходят.

Интеллект матушки жаждал *действия*. И матушка боролась со скукой изо всех сил. Обычно она ложилась у себя в хижине и, вселившись в какую-нибудь лесную зверушку, слушала ее ушами, смотрела ее глазами. В этом нет ничего плохого – наоборот, это очень даже познавательно. Но слишком уж она в этом преуспела. В другом существе матушка могла пребывать очень долго, дольше, чем кто-либо другой из тех, кого знала нянюшка Ягг.

Когда-нибудь она не вернется из своих странствий, в этом можно было не сомневаться... Просто не захочет. Как раз сейчас самое опасное время года: дикие гуси каждую ночь перечеркивают небо, сопровождая свой полет зазывным курлыканьем, а холодный осенний воздух так свеж и сладок... Есть в этом какой-то страшный соблазн.

Нянюшка Ягг, кажется, догадывалась, в чем крылась проблема.

Она кашлянула.

– На днях видела Маграт, – рискнула сообщить она, искося посмотрев на матушку.

Никакой реакции.

– Выглядит прекрасно. Королевствование пошло ей на пользу.

– Гм-м?

Нянюшка испустила внутренний стон. Матушка даже не удосужилась съязвить – значит, ей и *вправду* не хватает Маграт.

Поначалу нянюшка Ягг отказывалась в это верить, но Маграт Чесногк, хоть и ходила ббольшую часть суток сырая, как губка, в одном была абсолютно права.

Тройка – самое естественное число для ведьм.

А их стало меньше. Одну свою товарку они потеряли. Ну, не совсем потеряли. Маграт теперь в королевах, а королева не такая вещь, которую можно по ошибке затолкать не на ту полку, забыть и потерять. Но... все равно из трех осталось только двое.

Когда есть трое, стоит подняться шуму-гвалту, как третий быстренько примиряет поссорившиеся стороны. У Маграт это очень хорошо получалось. Без Маграт нянюшка Ягг и матушка Ветровоск действовали друг другу на нервы. Тогда как с ней троица действовала на нервы всем остальным обитателям Плоского мира, а ведь это гораздо веселее.

И похоже, Маграт не собирается возвращаться... по крайней мере, Маграт *пока* не собирается возвращаться.

Да, тройка – отличное число, самое то для ведьм, но помимо всего тройка должна быть *правильной*. В смысле, три

ведьмы должны быть *совместимы*.

С некоторым удивлением нянюшка Ягг вдруг поняла, что ей как-то неловко даже думать об этом. Хотя в обычных обстоятельствах смущение было так же свойственно нянюшке, как кошкам – альтруизм.

Будучи ведьмой, она не верила ни в какие оккультные бредни. Но там, на самом дне души, скрывалась пара-другая истин, и спорить с этими истинами было очень трудно. Особенно с истиной, касающейся, так сказать, девы, матери... ну и этой, третьей.

Вот оно. Она наконец облекла правду в слова.

Разумеется, все это не более чем древние предрассудки. В такое верили только темные, непросвещенные люди; раньше словами «дева», «мать» или... ну, этим, оставшимся словом... описывали каждую женщину старше двадцати и на протяжении всей ее жизни, за исключением, быть может, определенных девяти месяцев. Тогда как сейчас любая девушка, умеющая считать и обладающая достаточным благоразумием, чтобы прислушаться к совету нянюшки, могла на вполне приличное время отложить свой переход во вторую стадию.

И все равно... суеверие это *очень старое*, старше книг, старше письменности. Подобные предрассудки тяжким бременем ложатся на тонкую резиновую ткань человеческого существования и тянут за собой людей.

Кроме того, Маграт уже три месяца как замужем. Это

означает, что к первой категории она больше не принадлежит. По крайней мере – поезд мыслей нянюшки слегка дернуло, и он сошел на боковую ветку, – *скорее всего* не принадлежит. Нет, даже *наверняка* не принадлежит. Молодой Веренс выписал себе самое современное пособие. С картинками, и каждая стадия обозначена номерочком. Нянюшка знала об этом, потому что однажды, во время очередного визита вежливости, проскользнула в опочивальню и провела очень поучительные девять минут, пририсовывая к картинкам в книжке усы и очки. Не может быть, чтобы у Маграт и Веренса что-то не получилось... Они все преодолели и справились – хотя до нянюшки доходили слухи, что совсем недавно Веренс осторожно наводил справки, нельзя ли где прикупить пару фальшивых усов. В общем, пройдет совсем немного времени, и Маграт с полным правом будет причислена ко второй категории: все-таки картинки в книжке – великое дело.

Разумеется, матушка Ветровоск очень величественно изображает независимость. Из нее так прямо и прет, что никтошеньки ей для счастья не нужен. Однако тут есть одна загвоздка: своей независимостью и самодостаточностью надо кичиться *перед кем-то*. Люди, которые ни в ком не нуждаются, нуждаются в том, чтобы люди вокруг видели, что они абсолютно ни в ком не нуждаются.

Это как с отшельниками. Чтобы пообщаться с Вечностью, вовсе не обязательно лезть на высоченную гору и морозить

там свое хозяйство. Нет, тут все дело во впечатлительных дамочках, которых периодически приводят к вам на экскурсию, чтобы они нарушали ваше гордое уединение своими восторженными ахами-охами.

...Нужно опять стать троицей. Когда трое собираются вместе, жизнь начинает бить ключом. Да, случались ссоры и приключения, и было на что матушке позлиться, но ведь ей лишь в удовольствие, позлиться-то. По сути дела, подумала нянюшка, матушка Ветровоск только тогда и бывает самой собой, когда злится.

Да. Надо опять стать троицей.

Иначе... взмахнут в ночи серые крылья или лягнет за-слонка печи...

Рукопись всячески сопротивлялась прочтению, так и норовя рассыпаться.

Собственно говоря, это была и не рукопись вовсе, а собрание старых мешочков из-под сахара, конвертов, салфеток и клочков древних отрывных календарей.

Издав недовольное мычание, господин Козлингер сгреб в охапку заплесневелые записки и собрался было бросить их в камин.

Но тут взгляд его привлекло некое слово.

Он прочел, и взгляд потянулся дальше, пока не достиг конца предложения.

Потом господин Козлингер дочитал страницу, при этом

несколько раз возвращаясь к уже прочитанному. Ему даже не верилось, что он читает то, что читает.

Он перевернул страницу. А потом опять вернулся к предыдущей. И так он читал все дальше и дальше. В какой-то момент господин Козлингер вытащил из ящика письменного стола линейку и окинул ее задумчивым взглядом.

Затем открыл буфет, где содержались те напитки, что покрепче. Бутылка, сжимаемая неуверенной рукой, весело зазвенела о край бокала.

Господин Козлингер посмотрел в окно, на здание Оперы, которое высилось на противоположной стороне улицы. Маленькая фигурка подметала лестницу.

– О боги... – пробормотал он себе под нос, после чего решительным шагом направился к двери. – Господин Стригс, не мог бы ты зайти на минутку? – позвал он.

Главный печатник вошел в кабинет, сжимая в руке пачку гранок.

– Придется заставить господина Резника выгравировать одиннадцатую страницу заново, – похоронным голосом сообщил он. – Он считает, что слово «голод» состоит из шести букв...

– Прочти вот это, – сказал Козлингер.

– Я как раз собирался пойти пообедать...

– Прочти.

– Но согласно правилам Гильдии у меня есть право...

– Прочти – и посмотрим, что станет с твоим аппетитом.

Господин Стригс неуклюже уселся и взглянул на первую страницу.

Отложил ее в сторону.

Через некоторое время он открыл ящик письменного стола и вытащил линейку, на которую долго и задумчиво смотрел.

– Ты прочел о Банановом Изумлении? – осведомился Козлингер.

– Да!

– Подожди, ты еще не знаешь, что такое Биг Смак.

– Вообще-то, моя бабушка отлично готовила, так что пальчики оближешь...

– Это не то, что ты думаешь. – В тоне Козлингера звучала абсолютная уверенность.

Стригс принялся листать дальше.

– С ума сойти! Неужели это действительно можно приготовить?

– Какая разница? Немедленно отправляйся в Гильдию и найми всех гравировщиков, которые сейчас не заняты. Чем старше возрастом, тем лучше.

– Но еще не отлиты предсказания на грюнь, июнь, август и сплюнь для следующего «Ещегодника»...

– Забудь. Всегда можно использовать старые гранки.

– А если читатели заметят?

– С чего бы вдруг? До сих пор не замечали, – возразил господин Козлингер. – Ты же знаешь, как все делается, не

мне тебя учить. В Клатче пройдут Поразительные Аджиковые Дожди и случится Загадочная Гибель Серифа, Осиная Чума грозит Очудноземью. Ну и так далее. Нет, вот *это* поважнее будет.

Он опять невидящим взором уставился в окно.

– *Куда* важнее...

И господин Козлингер предался любимой мечте всех издателей. В этой мечте фигурировали штаны, карманы которых были доверху набиты золотом, и двое слуг, нанятых специально, чтобы поддерживать штаны.

Гигантский, с колоннами, усаженный горгульями фронтон анк-морпоркской Оперы величественно возвышался над Агнессой Нитт.

Агнесса остановилась. По крайней мере, *большая* ее часть. Агнессы было много. Более удаленным от эпицентра регионам, чтобы остановиться, требовалось некоторое время.

Ну вот. Наконец-то. Теперь она может войти, а может уйти прочь. Это и называется «сделать выбор, который, быть может, изменит всю вашу жизнь». С проблемой выбора Агнесса сталкивалась впервые – раньше всегда выбирали за нее.

На размышления у Агнессы ушло довольно много времени – сидящий неподалеку голубь даже всерьез задумался, а не пристроиться ли на ночевку на огромной и довольно-таки унылой черной шляпе с обвисшими полями. В конце концов

Агнесса решительно направилась вверх по ступенькам.

Ступеньки подметал какой-то паренек. То есть теоретически он должен был их подметать. На самом же деле он с помощью метлы перемещал мусор с одного места на другое, видимо, считая, что смена обстановки еще никому не вредила, – и кроме того, какая прекрасная возможность завести новых друзей. На пареньке было надето длинное, слегка маловатое для него пальто, а топорщащуюся шевелюру украшал не совсем уместный черный берет.

– Прошу прощения... – окликнула Агнесса.

Эффект был подобен удару молнии. Паренек обернулся, одна его нога заплелась вокруг другой, и он с грохотом рухнул на свою метлу.

Испуганно прижав ладошку ко рту, Агнесса поспешно наклонилась к пострадавшему.

– О, прости, я не хотела!..

Ладонь паренька была холодной и очень липкой – подержав такую руку, потом мечтаешь как можно быстрее подержать кусок мыла. Паренек быстро отдернул пальцы, откинул со лба сальные волосы и улыбнулся Агнесс испуганной улыбкой. Его лицо было из тех, что нянюшка Ягг называла «недоделанными», – бледное и с какими-то неопределенными чертами.

– Никаких проблем госпожа!

– Ты в порядке?

Он неловко поднялся, но метла умудрилась запутаться у

него между коленей, и он резко сел обратно на ступеньки.

– Э-э... может, я помогу? – услужливо предложила Агнесса.

Она выдернула метлу из завязавшихся узлом конечностей. После пары фальстартов паренек сумел-таки подняться.

– Ты работаешь в Опере? – спросила Агнесса.

– Да госпожа!

– В таком случае не подскажешь ли, где тут у вас проходят прослушивания?

Паренек с диким видом заозирался по сторонам.

– Конечно! – воскликнул он. – Вход на сцену! Сейчас покажу!

Слова выскакивали из него с невероятной скоростью, как будто ему пришлось выстроить их в очередь и выдать одним залпом, пока они не разбрелись кто куда.

Выхватив метлу из рук Агнессы, паренек сбежал вниз по ступенькам, направляясь к углу здания. Походка у него тоже была исключительной, прямо-таки уникальной: словно бы его тело тащила вперед неведомая сила, а ноги болтались где-то позади, отчаянно поспешая следом и ступая куда придется. Это была не столько ходьба, сколько отложенное на неопределенное время падение.

Тем не менее паренек успешно доставил Агнессу к незаметной дверце в боковой стене здания.

Сразу за дверцей обнаружилось нечто вроде небольшой

будки со стойкой, расположенной так, что находящийся внутри будки человек мог наблюдать за дверью. Существо за стойкой, скорее всего, относилось к роду человеческому, потому что моржи ливрей не носят. Странный паренек ментально скрылся в сумрачных глубинах Оперы.

Агнесса в отчаянии огляделась.

– Да, госпожа? – произнес человек-морж.

Усы у него были и впрямь *впечатляющие*. Казалось, они высосали из организма своего владельца всю способность к росту.

– Э-э... Я пришла... на прослушивание, – ответила Агнесса. – Прочла объявление – там говорилось, вы проводите прослушивания...

Она улыбнулась слабой, беспомощной улыбкой. На лице привратника было большими буквами написано, что таких вот улыбок он повидал больше, чем Агнесса съела за всю свою жизнь горячих обедов. Он равнодушно вытащил большой блокнот и огрызок карандаша.

– Записываются на прослушивание тут, – сообщил человек-морж.

– А кто был этот... паренек, что привел меня сюда?

Усы шевельнулись – очевидно, приведенные в движение скрытой под ними улыбкой.

– Уолтер Плюм. Его тут все знают.

На более подробный ответ рассчитывать не приходилось.

Агнесса вцепилась в карандаш.

Самый важный вопрос: как назваться? Ее имя обладает массой достоинств, и лишь одного качества ему явно недостает: сладкозвучности. Оно горчит на нёбе и пересыпается песком на зубах, но сладости, произнося его, не ощущаешь.

Как назло, в голову не приходило ни одного имени, обладающего достаточным ротационным потенциалом.

Может, сказаться Катериной?

Или... Пердитой. Да, можно еще разок попробовать Пердиту. Однажды она уже использовала это имя – в Ланкре, но тогда как-то не сложилось... Такое таинственное имя наводит на мысль о сумраке, интриге и, кстати, о ком-то очень стройном. Она даже добавила себе инициал – «Икс». «X» – сколько интересных, будоражащих воображение подсмыслов кроется в этой букве!

Бесполезно. Жители Ланкра наотрез отказывались будоражиться – они стали называть ее Агнессой, которая почему-то подписывается Пердитихой.

А уж самой заветной своей мечтой Агнесса не осмеливалась поделиться ни с одним человеком. И мечта эта заключалась в том, чтобы ее полное имя звучало как Пердита ХХХ. Так будет совершенно загадочно... и волнующе. Впрочем, обычным людям и с одним-то «иксом» не справиться. «Со всем обиксела, – скажут они. – У самой две полки битком набиты мягкими игрушками, а она тут имена себе выбирает!»

А здесь... здесь можно начать с чистого листа. Она ведь талантливая. У нее и правда талант.

Хотя Три Икса, наверное, и тут не пройдут.
Придется как-то уживаться с Нитт.

Нянюшка Ягг обычно ложилась рано. В конце концов, она ведь уже немолода. Поэтому иной раз отпраивлялась спать еще до рассвета, часиков этак в пять.

Она шагала по лесу. Дыхание вырывалось в воздух облачками пара. Под башмаками хрустели сухие осенние листья. Ветер затих, небо очистилось и словно бы расширилось, готовясь к первым осенним заморозкам. Когда представляешь, что первый морозец сотворит с оставшимися цветами и плодами, начинаешь понимать, почему Природу кличут матерью...

Третья ведьма.

Три ведьмы могут... вроде как поделить ношу.

Дева, мать и... старая карга. Полный набор.

Проблема заключалась в том, что матушка Ветровоск объединяла в себе все три ипостаси. Насколько знала нянюшка, матушку вполне можно было причислить к девам. Вместе с тем она вписывалась и в третью категорию – по крайней мере по возрастному цензу. Ну а что касается оставшегося второго пункта... Попадись матушке Ветровоск под горячую руку – и на собственной шкуре испытаешь, как-во приходится осеннему цветочку, когда суровая Природа, мать, напускает на него первые ноябрьские заморозки.

Однако кандидатка на свободную вакансию объявится

непременно. В Ланкре есть парочка девиц, достигших подходящего возраста.

Беда в том, что юношам Ланкра тоже известно об их существовании. Летом нянюшка регулярно прогуливалась по полям. Глаз у нее был зоркий (хотя она умела не видеть того, что не надо было видеть), а слух настолько острый, что стены не были ему помехой. Фиолетта Пеннидж гуляла с молодым Хитрюгой Возчиком – правда, гуляли они, как правило, недолго, слишком уж быстро уставали и всё норовили прилечь. Бонни Кварней весь май собирала орехи с Вильямом Простаком, и, если бы не ее предусмотрительность и своевременная подсказка нянюшки, собирать бы Бонни в феврале еще один урожай. И уже довольно скоро мать Милдред Жестянингс поговорит с отцом Милдред Жестянингс, а тот, в свою очередь, поговорит со своим другом Прутоплетсом, а тот – со своим сыном Хобом, после чего случится свадьба, все будет прилично и цивилизованно, пара-другая фингалов не в счет¹. «Да уж, – подумала нянюшка с мечтательной улыбкой, – что ни говори, а жаркое ланкрское лето такая штука... И невинность только способствует потере этой самой невинности».

Вдруг из десятков имен всплыло одно. Ну точно! Как же можно было о ней-то забыть? Да очень просто: взяла и забыла. Когда начинаешь думать о девушках Ланкра, ее имя

---

¹ Жители Ланкра считают, что женитьба – очень серьезное мероприятие, на котором все должно пройти как положено, так что усиленно практикуются заранее.

не сразу приходит в голову. А потом говоришь: «Ах да, и она тоже, само собой. Разумеется, очень *примечательная* де-вushка. И прическа оригинальная».

Но она умная и, самое главное, небесталанная. Во всех смыслах. Возьмем, к примеру, голос. Через него проявляется сила. И опять-таки весьма примечательная внешность, поэтому вряд ли стоит опасаться, гм, дисквалификации...

Ну что ж, в таком случае решено. Новая ведьма, которую можно задирать и на которую можно производить впечатление, – это несколько взбодрит матушку, а Агнесса потом только спасибо скажет.

Нянюшка Ягг с облегчением вздохнула. Шабаш – это минимум три ведьмы. А две ведьмы – это свара.

Отворив дверь в хижину, она по невысоким ступенькам поднялась в свою спальню.

На пуховом одеяле покоилось озерцо серой шерсти – это был принадлежащий нянюшке кот, здоровущий котяра по кличке Грибо. Перед тем как залезть в постель, нянюшка, уже облаченная в ночную сорочку, переместила своего любимца в ноги – признаться, не без некоторого труда. Грибо даже не проснулся.

Чтобы отогнать дурные сны, она хлебнула из бутылки, пахнувшей яблоками и счастливой кончиной головного мозга. Затем взбила подушки, подумала еще раз: «Она... решено!» – и отбыла в страну сновидений.

Некоторое время спустя Грибо проснулся, потянулся, зев-

нул и бесшумным прыжком переместился на пол. После чего этот зловреднейший и коварнейший меховой шар, достаточно умный, чтобы, разинув пасть и уложив себе на нос кусочек хлеба, усаживаться под кормушкой для птиц, вспрыгнул на подоконник и исчез в оконном проеме.

А еще несколькими минутами спустя соседский петух, собираясь встретить новое утро, вытянул шею – и безвременно скончался прямо посередине «кукареку».

Перед Агнесой простиралось гигантское пространство темноты. Одновременно ее слепил яркий свет. У самого края сцены, в длинном, наполненном водой желобе, плавали гигантские плоские свечи. Они-то и давали яркий желтый свет, совсем не такой, как от масляных ламп, к которым она привыкла дома. Там, за световой стеной, ждал зритель – громадное и чрезвычайно голодное животное, жадно разинувшее пасть.

– Будь добра, милочка, сообщи нам, когда будешь готова, – донеслось откуда-то из-за световой стены.

В этом голосе не было какой-то особой зловредности. Просто его обладатель хотел, чтобы она побыстрее начинала, чтобы поскорее отпела свое и освободила сцену.

– Я... э-э... приготовила одну песню, это...

– А ты предупредила госпожу Надмену? Она знает мелодию?

– Э-э... вообще-то, мой номер исполняется без аккомпа-

нементы, это такая...

– Так это *народная* песня?

Во мраке зашептались. Кто-то тихонько засмеялся.

– Ну что ж... Пердита, если не ошибаюсь? Мы внимательно слушаем.

Судорожно выдохнув, Агнесса запела «Песню про ежика». И примерно к слову этак седьмому поняла, что совершила большую ошибку. Такую песню надо петь в таверне, где на тебя бросают плотоядные взгляды и где слушатели громко сдвигают кружки в такт. А эта огромная сверкающая пустота буквально засасывала ее голос, заставляла его дрожать и взлетать на несвойственную ему визгливую высоту.

В конце третьего куплета Агнесса замолчала. Она почувствовала, что краснеет – начиная примерно с коленок. Площадь предстояло покрыть немалую, поэтому красноте потребуется некоторое время, чтобы добраться до лица, зато потом вся Агнесса, с ног до головы, станет приятного клубничного оттенка.

До нее донеслось приглушенное шушуканье. Вроде бы прозвучала какая-то ремарка насчет тембра, а потом кто-то сказал: «Зато внушительно». Последнее высказывание ее вовсе не удивило. Агнесса знала, что и в самом деле сложена внушительно. Под стать зданию Оперы. Нельзя сказать, что-бы она особо гордилась этим.

Затем тишину разорвал громкий вопрос:

– Судя по всему, милочка, пению ты нигде не училась. Я

прав?

– Не училась, – подтвердила Агнесса.

Это целиком и полностью соответствовало действительности. Единственной стоящей упоминания певицей Ланкра была нянюшка Ягг, которая применяла к песням чисто баллистический подход. Это когда нацеливаешься голосом в конец куплета, а дальше бьешь из всех орудий.

В зале снова зашушукались.

– А теперь, милочка, продемонстрируй нам парочку гамм.

Краснота уже добралась до груди. Подобно грозе, она поднималась вверх по крутым склонам...

– Парочку гамм?

Опять шушуканье. Приглушенный смешок.

– До-ре-ми? Слышала о таком, милочка? Начинаем с самого низа. Ля-ля-ля?

– О да, конечно.

Не обращая внимания на армию смущения, успешно штурмующую ее шею, Агнесса взяла как можно более низкую ноту и, подобно нянюшке, вдарила из всех орудий.

Концентрируясь на нотах, она флегматично протаранивала себе путь от уровня моря к горным вершинам. И она не замечала ничего – ни того, что стул, вибрируя, запрыгал по сцене (это было вначале), ни того, что где-то неподалеку лопнул стакан (это уже ближе к концу), а со стропил в оркестровую яму свалилась парочка летучих мышей.

Наконец Агнесса замолкла. Раздался глухой стук – это

брякнулась еще одна мышь, – после чего воцарилась тишина, нарушаемая лишь негромким потрескиванием стекла.

– Это... это весь твой диапазон, милочка? – спросила большая пустота.

В проходах замелькали изумленные лица.

– Нет.

– Нет?

– Если я беру выше, люди начинают падать в обморок, – ответила Агнесса. – А если ниже... Говорят, это очень неприятно.

Шу-шу-шу. Шу-ШУ-шу.

– Назад!

– Э-э... может, ты?..

– А еще я умею петь сама с собой терциями. Нянюшка Ягт говорит, такое не всякий может.

– Прошу прощения, сама с собой – это как?

– Ну, вроде... До-Ми. Одновременно.

Шу-шу-шу, шу-шу-шу.

– Продемонстрируй-ка, милочка.

– Лаааааа!

Слушатели, скопившиеся по обеим сторонам сцены, возбужденно переговаривались.

Шу-шу-шу, шу-шу-шу.

Затем голос из темноты произнес:

– Ну что же, относительно направленности твоего голоса...

– Это я тоже *могу*, – перебила Агнесса. Происходящее уже начало ей надоедать. – Куда вы хотите, чтобы я его направила?

– Что-что? Да нет, я имел в виду...

Агнесса скрипнула зубами. Она знала, что талантлива, ничуть в этом не сомневалась. Ну, сейчас она им покажет...

– Туда!

– Сюда!

– Вперед!

Это не так уж и сложно, подумала она. Бродячие артисты частенько демонстрируют подобные номера: берут деревянную куклу и заставляют ее говорить. Но кукла обязательно должна быть рядом: на далеких расстояниях этот фокус не работает, зритель сразу тебя раскусит. То есть *считается*, что на расстоянии этот фокус не работает.

Теперь, когда ее глаза несколько привыкли к темноте, Агнесса увидела, как слушатели в растерянности завертелись на своих местах.

– Прошу прощения, милочка, как-как тебя зовут? – Голос, в котором прежде сквозили нотки снисхождения, теперь звучал несколько неуверенно.

– Аг... Пер... Пердита, – произнесла Агнесса. – Пердита Нитт. То есть Пердита Икс Нитт.

– Слушай, милочка, Нитт – это никуда не годится!

Дверь дома матушки Ветровоск отворилась сама собой.

Джарг Ткач в нерешительности застыл. *Ну разумеется*, она же ведьма. Его предупреждали, чтобы он ничему не удивлялся.

Джаргу это не нравилось. Но куда больше ему не нравилось, как ведет себя его спина – особенно в те дни, когда его спине не нравился он сам. Позвоночник умеет испортить человеку жизнь.

Морщась от боли и с трудом балансируя на двух палках, на которые опирался, Джарг проковылял в дверь.

Ведьма восседала в кресле-качалке, спиной к нему.

Джарг снова остановился.

– Заходи, Джарг Ткач, не стесняйся, – поприветствовала его матушка Ветровоск. – Сейчас я подыщу что-нибудь от твоей спины.

Джарг был настолько потрясен, что даже попытался выпрямиться, но жуткая боль, раскаленным добела шаром взорвавшаяся в районе пояса, мигом привела его в чувство.

Закатив глаза, матушка Ветровоск вздохнула.

– Ты сесть можешь? – спросила она.

– Нет, матушка. Но я могу упасть в кресло.

Из кармана своего фартука матушка извлекла черный пузырек и энергично им потрясла. Глаза Джарга расширились.

– Так ты... это... знала, что ли?

– Ага, – кивнула матушка.

И ничуть не солгала. Она давным-давно смирилась с фактом, что люди приходят к ней не за настоящим лечением,

а за пузырьком с чем-нибудь липким и противно пахнущим. Главным тут было не лекарство, а, так сказать, ложка.

– Это смесь редких трав и еще кое-чего, – провозгласила матушка. – Плюс цукроза и аква.

– Ого... – потрясенно промолвил Джарг.

– Глотни-ка.

Джарг безмолвно повиновался. Снадобье слегка отдавало лакрицей.

– Сегодня на ночь глотнешь еще раз, – продолжила матушка. – А затем трижды обойдешь вокруг каштана.

– ...Трижды вокруг каштана...

– И положи под матрац сосновую доску. Только не забудь: сосна должна быть двадцатилетней, не младше!

– ...Двадцатилетней... – тихим эхом откликнулся Джарг. – Понимаю, – многозначительно кивнул он, решив внести в разговор свою лепту. – Это чтоб узлы с моего позвоночника перешли в сосну!

Матушка была потрясена. Этот перл народной смекалки следовало запомнить – пригодится для похожих случаев.

– Тут ты угодил в самую точку, – подтвердила она.

– И все?

– А тебе мало?

– Ну, я думал... будут пляски, заклинания, все такое...

– Этот ритуал я проделала до твоего прихода.

– Ну надо же! Ага. Гм. А как... насчет оплаты?

– О, я плату не беру, – успокоила его матушка. – Деньги,

они ведь только несчастья приносят.

– А-а! Точно-точно. – Лицо Джарга просветлело.

– Разве что, быть может... если у твоей жены завалились какие-нибудь старые тряпки, то у меня двенадцатый размер, а цвет я предпочитаю черный. Или, может, она любительница печь, тогда мне бы пирожков... А медку у вас горшочек нигде не застоялся? Или вдруг как раз сегодня вы собрались резать свинью, так вот, я люблю вырезку со спины... Впрочем, ляжечка тоже сойдет, да и свиные ребрышки – м-м, объеденье! В общем, все подойдет, что вам самим не нужно. Хотя это вовсе не обязательно. Я ведь не люблю накладывать на людей обязательства. Ну и что, что я ведьма? Это ничегошеньки не значит. У вас ведь в доме все хорошо? Все здоровы?

Она с удовольствием наблюдала, как до Джарга постепенно доходит смысл ее слов.

– А теперь давай я помогу тебе выйти, – добавила матушка.

Джарг Ткач так никогда и не смог объяснить себе последовавшие за этим события. Матушка, обычно твердо стоявшая на ногах, вдруг споткнулась об одну из его палок и начала падать назад, цепляясь за его плечи, а ее колено взлетело высоко в воздух, как-то неудачно вывернулось и угодило ему прямо в какую-то точку в позвоночнике, раздался громкий *щелк*...

– Арррргхх!

– Ой, извини!

– Моя спина. О, моя спина!

«Впрочем, все мы стареем, – чуть позже думал Джарг. – И ведьмы тоже. С возрастом человек становится неловким, а матушка всегда была немного того, хотя это не мешает ей готовить хорошие снадобья. Причем такие, что чертовски быстро действуют!» Подходя к своей хижине, Джарг Ткач уже не опирался на палки, а нес их под мышкой.

Матушка, качая головой, проводила его взглядом.

«Люди слепы, все до одного, – в свою очередь думала она. – Предпочитают верить во всякую чепуху, а не в старую добрую хиропрактику».

Разумеется, ей это только на руку. Пусть себе восторженно охают-ахают, ломают головы: и как это она узнала, кто к ней идет? А то, что из матушкиной хижины, расположенной на самом повороте тропинки, прекрасный обзор и видно любого путника, лучше пусть останется в тайне. Как и фокус со щеколдой и привязанной к ней черной ниткой...²

И разве она сделала что-то плохое? Всего-то навсего обвела вокруг пальца глуповатого старика.

Матушка много кого повидала на своем веку: встречалась и с волшебниками, и с чудовищами, и с эльфами... а сейчас сидит и радуется: как ловко она надула Джарга Ткача, че-

---

² Не то чтобы матушка целыми днями сидела, пялясь в окно и дожидаясь, не покажется ли кто-нибудь на тропинке. К примеру, приближение Джарга Ткача она почувствовала в тот момент, когда глядела на огонь в камине. Но дело-то не в этом.

ловека, дважды не получившего звание Деревенского Идиота только потому, что его сняли с соревнований по причине полного, абсолютного идиотизма.

Она катится по наклонной. Что дальше? Скоро она начнет зловеще хихикать, бормотать всякую чушь и жарить в печке детишек? До этого осталось совсем недалеко, тем более что детей матушка всегда недолюбливала.

Матушка Ветровоск уже многие годы служила деревенской ведьмой. А потом сложилось так, что ей пришлось отправиться в путешествие, она поглядела мир, и с тех пор у нее внутри что-то непрерывно зудит – особенно в это время года, когда по бледному небу пролетают гусиные клинья, а невинные зеленые листочки в долинах скукоживаются от первых заморозков.

Она окинула взглядом кухню. Надо бы подмести. Неплохо бы вымыть посуду. Стены кое-где тронуты плесенью. Все надо делать, все. Дел столько, что руки опускаются и не хочется ни за что браться.

Сверху донеслись гусиные клики. Она посмотрела в небо. Высоко, меж облаками, гуси клином устремлялись в путь.

Летят в теплые страны, о которых матушка Ветровоск только слышала и в которых никогда не бывала.

Как заманчиво...

Члены избирательного комитета расселись вокруг стола в кабинете господина Нечаста Бадьи, нового хозяина Оперы.

По обе руки от него расположились Зальцелла, главный режиссер, и доктор Поддыхл, управляющий хором.

– Следующим пунктом, – произнес господин Бадья, – у нас идет... ну-ка, посмотрим... ах да, Кристина... Потрясающе смотрится на сцене, правда? И фигурка что надо. – Он подмигнул доктору Поддыхлу.

– Фигура отличная, – бесстрастно согласился доктор Поддыхл. – Жаль, что фигурой не поют.

– Вот они, творческие натуры... Неужели вы не понимаете, на дворе век Летучей Мыши! – воскликнул Бадья. – Опера – это коммерческое предприятие, а песенки можно распевать и на улице.

– Это вы так считаете. Однако...

– Представление о сопрано как о дамочке пятнадцати акров в объёме и в рогатом шлеме давным-давно устарело.

Зальцелла с Поддыхлом переглянулись. Значит, вот какой у них новый хозяин...

– К сожалению, – язвительно откликнулся Зальцелла, – по-прежнему актуально представление о сопрано как о певице с приемлемым певческим голосом. У нее хорошая фигура, это верно. И она не без... искорки. Однако *петь* она не умеет.

– Но ее ведь можно научить! – возразил Бадья. – Несколько лет в хоре и...

– Да, быть может, после нескольких лет в хоре, если я, конечно, столько протяну, она станет вполне посредственной

певичкой, – отозвался доктор Поддыхл.

– Э-э, господа... – Бадья взмахнул рукой. – Гм-м. Ну ладно. Значит, карты на стол, так вы хотите? Хорошо. Я человек простой. Вокруг да около не хожу, говорю все напрямую, черное называю черным, а белое...

– Да-да, мы очень хотели бы познакомиться с вашим взглядом на вещи, – перебил его Зальцелла.

«Вот, значит, какой хозяин нам теперь достался... – снова подумал он. – Выбрался из грязи в князи и страшно горд своими достижениями. Путает грубоватое добродушие и честность с обыкновенным хамством. Рискну поставить доллар, он считает, будто бы ему ничего не стоит распознать человека, внимательно посмотрев тому в глаза и пожав ему руку...»

– Я прошел через мельницу жизни, – продолжал Бадья, – и сам замесил свою судьбу...

«Может, ему лучше было какую-нибудь пекарню купить?» – уныло подумал Зальцелла.

– ...Но я должен поставить вас в известность, что здесь замешаны некоторые... э-э... финансовые интересы. Ее отец, он... э-э... одолжил мне в свое время изрядную сумму на покупку этого заведения. Тогда же он выразил обеспокоенность судьбой своей дочери. Искреннюю отцовскую обеспокоенность. Если мне не изменяет память, то дословно он выразился так: «Смотри, не вынуди меня потом переломать тебе ноги». Я, конечно, не рассчитываю, что вы, *творческие натуры*, это поймете. Это ведь бизнес. Но мой девиз таков:

береженого боги берегут.

Зальцелла засунул руки поглубже в карманы жилета, откинулся в кресле и принялся тихонько насвистывать.

– *Понятно*, – произнес Поддыхл. – Что ж, такое случается не впервые. Хотя, вообще-то, больше проблем с балеринами.

– Нет-нет, *это* тут совершенно ни при чем. Чисто деловые отношения, – поспешно уверил Бадья. – Просто к деньгам, как бы сказать, прилагалась эта девушка, Кристина. И вы ведь не станете отрицать, со внешностью у нее действительно все в порядке.

– Нам-то что? – пожал плечами Зальцелла. – Это ведь ваша Опера. А как насчет... Пердиты?..

Они улыбнулись друг другу.

– Ах да, Пердита! – Скинув с плеч вопрос о Кристине, Бадья испытал огромное облегчение. Теперь можно было опять стать честным и прямодушным руководителем.

– Пердита *Икс*, – поправил его Зальцелла.

– Я даже думать боюсь, что за имечко придумает себе следующая певичка!

– Уверен, эта Пердита еще себя покажет, – заметил Поддыхл.

– Ага, если когда-нибудь у нас дойдут руки до той оперы, ну, помните, со слонами.

– Но какой диапазон... Какой охват! У нее потрясающий охват...

– Во-во. Я видел, как ты на нее тарачился.

– Я говорил о *голосе*, Зальцелла. Своим голосом она обогащает звучание хора.

– Она сама как целый хор. Всех остальных можно смело вышвыривать на улицу. О боги, она может петь сама с собой! Но разве можно представить ее в главной роли?

– Только не это. Зрители попадают под стулья от смеха.

– Согласен. Но характер у нее, похоже... сговорчивый.

– Чудесная девушка, я так сразу и подумал, как увидел ее.

И волосы, кстати, хорошие.

Она никогда не думала, что все получится так легко...

Словно в трансе, Агнесса слышала, как ей говорят о жалованье (очень маленьком), о необходимости учиться (очень много), о жилье (хористы проживали в самом здании Оперы, под крышей).

А потом о ней более или менее забыли. Она стояла и смотрела, как по сцене легкими шажками двигаются будущие звезды балета. Сейчас, исполненные надежд, они выполняли свои ежедневные упражнения.

– У тебя и в самом деле поразительный голос!! – воскликнул кто-то у нее за спиной.

Она обернулась. Как однажды верно подметила нянюшка Ягг, зрелище поворота Агнессы существенно расширяло ваш кругозор. Ноги двигались достаточно быстро, но из-за инерции, присущей некоторым щедрым участкам тела, после фактического совершения движения какая-то часть Агнессы

еще некоторое время словно бы соображала, куда, собственно, нужно двигаться.

Обратившаяся к Агнессе девушка была, даже согласно обычным стандартам, весьма хрупкого телосложения. Более того, судя по всему, на достигнутом она не останавливалась и прикладывала немалые усилия, чтобы стать еще стройнее. У нее были длинные белокурые волосы, и улыбалась она счастливой улыбкой девушки, которая прекрасно знает: она стройна и у нее длинные белокурые волосы.

– Меня зовут Кристина!! – представилась она. – Ну разве не здорово?!

И голос у нее был из таких, что превращают каждую фразу в восклицание. Как будто ей в горло ввинтили взволнованно пищащую машинку.

– М-м, да, – туманно ответила Агнесса.

– Этого момента я ждала столько лет!!

Сама Агнесса ждала этого момента двадцать четыре часа – с той самой минуты, как увидела на стене Оперы объявление о наборе. Но признаваться в этом было бы рискованно.

– А где ты училась?! – воскликнула Кристина. – Я провела три года в Шеботанской консерватории, и меня учила сама госпожа Вентури!!

– М-м. А меня... – Агнесса запнулась, выстраивая соответствующий ответ. – А меня учила... сама нянюшка Ягг. Вот только консерватории у нее нет, в горах трудно консервировать, со стеклянной посудой там сложно.

Вдаваться в дальнейшие расспросы относительно прошлого своей новой знакомой Кристина не стала. Все слишком трудное для понимания она просто-напросто игнорировала.

– В хоре ведь не очень хорошо платят?! – продолжала она.

– Гм, не очень.

«Даже за мытье полов и то платят больше, – подумала Агнесса. – А все потому, что, если повесить объявление, мол, требуется девушка для мытья полов, на него вряд ли откликнутся сотни исполненных надежд претенденток».

– Но я всегда хотела заниматься именно этим!! Кроме того, это ведь определенный статус!!

– Да, наверное, так.

– Я уже посмотрела наши комнаты!! Они очень тесные!! А тебе какую комнату дали?!

Агнесса тупо посмотрела на ключ в руке. Его вручили ей, присовокупив множество резких указаний насчет того, что *никаких мужчин*. Указания сопровождались крайне неприятным выражением на лице хоровой матроны, которое можно было расшифровать как «тебя, впрочем, об этом можно и не предупреждать».

– Э... семнадцатую.

– О-о, как прекрасно!! – захлопала в ладошки Кристина.

– Прошу прощения?

– Я *так* рада!! Мы с тобой соседки!!

Агнесса опешила. Она уже давно смирилась с тем, что в

великой командной игре под названием Жизнь ее выводят на поле последней.

– Ну что ж... Да, видимо... – пробормотала она.

– Тебе так повезло!! У тебя такая величественная фигура, как раз для оперы!! И такие дивные волосы, ты их так чудесно взбиваешь!! И черное, кстати, тебе идет!!

«Величественная...» – повторила про себя Агнесса. Никогда, никогда в жизни ей не приходило в голову это слово. А белого цвета она всегда чуралась, потому что в белом становилась похожа на бельевую веревку в ветреный день.

«Человек, проводящий с Кристиной много времени в одном помещении, должен время от времени открывать окно, чтобы не задохнуться от восклицательных знаков», – думала Агнесса, следуя за новой подругой в их совместную комнату.

С задников сцены, никем не замеченный, некто провожал их взглядом.

Как правило, люди были рады видеть нянюшку Ягг. Что она действительно умела, так это дать человеку почувствовать себя как дома – в его же собственном доме.

А еще она *была* ведьмой и потому обладала невероятной способностью появляться в тот самый момент, когда подходили пироги или жарилась курица. Отправляясь куда-то, нянюшка Ягг обычно заталкивала под резинку панталон авоську – на тот случай, как она это объясняла, «если кто захочет

вдруг поделиться со мной чем-нибудь вкусненьким».

– Ну-с, госпожа Нитт, – заметила она примерно на третьем пироге и четвертой чашке чая, – как поживает твоя дочка? Это я про Агнессу.

– О-о, госпожа Ягг, а ты разве не слышала? Агнесса-то отправилась в Анк-Морпорк, чтоб певицей там стать.

Сердце нянюшки Ягг упало.

– Очень мило, – отозвалась она. – Как же, как же, помню, у нее ведь хороший певческий голос. Само собой, я ей тоже дала пару полезных советов. Я, бывало, слышала, как она поет в лесу.

– В лесу много места, – кивнула госпожа Нитт. – А грудь у нее всегда была такая хорошая, широкая.

– Гм, в самом деле. Этим она и примечательна. Так, значит... э-э... Агнесса, стало быть, не здесь?

– Ты ведь ее знаешь, нашу Агнессу. Особо много она не говорит. Но, по-моему, тут ей было скучновато.

– Скучновато? В Ланкре? – переспросила нянюшка Ягг.

– Вот и я ей о том же, – отозвалась госпожа Нитт. – Бывало, говорю ей: посмотри, какие у нас красивые закаты, заглядишься. А каждую мясленицу ярмарка...

Нянюшка Ягг задумалась об Агнесе. Не всякая мысль способна была вместить в себя всю Агнессу зараз.

Ланкр всегда славился сильными, умелыми женщинами. Ланкрскому фермеру нужна жена, которой ничего не стоит забить фартуком волка, когда она отправится в лес по дрова

и бедолага невзначай ей там повстречается. И хотя поцелуи поначалу обладают большим очарованием, чем, допустим, стряпня, все же средний ланкрский парень, когда ищет невесту, не забывает наставления, данные мудрым отцом: поцелуи в конце концов приедаются, а стряпня с годами нравится все больше и больше. Поэтому самое пристальное внимание парни уделяют девушкам из таких семей, которые славятся своими кулинарными традициями и умением наслаждаться едой.

А вообще Агнесса выглядит очень даже неплохо, подумала нянюшка. Особенно издалека – взгляду есть где разгуляться. Чудесный образчик юной женственности Ланкра. Женственности в Ланкре было по меньшей мере вдвое больше, чем в остальных городках Плоского мира.

Еще нянюшка вспомнила, что Агнессу всегда отличали задумчивость и некоторая робость, как будто тем самым девушка пыталась хоть немножко уменьшить занимаемый ею объем мирового пространства.

Однако она демонстрировала все признаки пригодности к ведьмовскому ремеслу. И неудивительно. Ничто так не стимулирует древние магические струны, как чувство отличности от других людей. Именно поэтому Эсме настолько преуспела в ведьмовском деле. Агнесса любила носить сентиментальные черные кружевные перчатки, лицо она пудрила бледной пудрой, да к тому же называла себя Пердитой плюс странная буква с хвоста алфавита. Все это говорило о том,

что у девушки есть перспектива. Ну а наносное... Оно быстро испарилось бы, стоило только Агнессе познакомиться с ведьмовством поближе.

Нужно было повнимательнее отнестись к этому ее увлечению пением. Сила, таящаяся в людях, пробивается наружу самыми разными способами...

У музыки и магии много общего. Во-первых, они начинаются с одной буквы. А во-вторых, невозможно заниматься одновременно и тем и другим.

Проклятье... Нянюшка серьезно рассчитывала на эту девушку.

– Она выписывала ноты из самого Анк-Морпорка, – преврала ее размышления госпожа Нитт. – Вот, полюбуйся.

Она передала нянюшке несколько бумажных стопок.

Нянюшка просмотрела листки. В Овцепиках песенники были довольно широко распространены, и распевание песен считалось третьим самым популярным занятием, которому хорошо предаваться долгими зимними вечерами. Но на этих листках были записаны не просто песенки. Таких длинных песен не бывает.

– «Так паступают все Гиты», – прочла нянюшка. – «Скротские мейстерзингеры».

– Это все ненашенские песни. Заграничные, – гордо прокомментировала госпожа Нитт.

– Ненашенские – это точно... – задумчиво кивнула нянюшка.

В устремленном на нее взгляде госпожи Нитт читалось ожидание.

– Что? – нахмурилась нянюшка.

Госпожа Нитт посмотрела на ее пустую чашку, а потом снова перевела взгляд на нянюшку.

– А, ну да, – догадалась нянюшка.

Вздохнув, она отложила странные песенники в сторону. И все-таки матушка Ветровоск права. Они ведьмы, и этим сказано все. А людям от ведьм только одно и нужно.

– Что ж, пора и за дело... – Нянюшка попыталась улыбнуться. – Давай теперь посмотрим, что уготовила нам судьба, коварно принявшая обличье этих высохших чайнок.

Придав лицу положенное оккультное выражение, она заглянула в чашку.

Которая буквально секунду спустя ударилась о пол и разлетелась на сотни осколков.

Это была маленькая комнатка, которую разделяла на две половинки тонкая переборка. В негласном оперном табеле о рангах младшие хористы шли следом за рабочими сцены и их подмастерьями.

В этой полкомнатке места хватало только для кровати, небольшого шкафчика, туалетного столика и довольно неуместного здесь огромного, размером с дверь, зеркала.

– Внушительно, а?! – воскликнула Кристина. – Зеркало пытались вынести, но оно, по-видимому, вделано в стену!!

Здорово, что его не вынесли, правда?! Оно мне еще очень пригодится!!

Агнесса промолчала. В ее половинке комнаты зеркала не было. И это ее только радовало. Она с настороженностью относилась к зеркалам, и вовсе не потому, что ей не слишком нравилось отражаемое в них. Просто зеркала как-то... гм... беспокоили ее. Порой ей казалось, что они ее рассматривают. Изучают. Агнесса терпеть не могла, когда на нее тарачились.

Кристина встала на свободный пяточок посреди комнатки и закутилась волчком. словно какая-то искорка, подумала Агнесса, невольно залюбовавшись. Что-то в Кристине навело на мысль о блестках.

– Ну разве не мило?! – воскликнула та.

Не любить Кристину было все равно что не любить маленьких пушистых зверюшек. Кристина именно такой и была – маленький пушистый зверек. Может, кролик. Любую мысль она воспринимала в несколько приемов, словно грызла ее, как морковку, откусывая по кусочку.

Агнесса опять поглядела на зеркало. Отражение ответило ей усталым взглядом. Хочется побыть одной. Все произошло так быстро. Да, нужно немножко побыть одной, освоиться на новом месте, а то все как-то не так...

Кристина перестала кружиться.

– С тобой все в порядке?!

Агнесса кивнула.

– Так *расскажи* мне о себе, наконец!!

– Э-э... ну... – Агнесса неожиданно для себя ощутила, что ей приятно внимание новой подружки. – Родом я из одного местечка в горах, о котором ты, наверное, никогда даже не слышала...

Внезапно она умолкла. Огонек в глазах Кристины потух, и Агнесса вдруг поняла, что целью вопроса было вовсе не получение ответа: Кристина задала вопрос только потому, что молчать она не могла.

– Мой отец – император Клатча, а мать – смородиновое желе, – продолжила Агнесса.

– Как интересно!! – воскликнула Кристина, вертясь перед зеркалом. – Как ты думаешь, у меня волосы красиво лежат?!

Но умей Кристина слышать кого-либо, кроме себя, Агнесса рассказала бы ей вот что.

Однажды утром она проснулась с четким и ужасным осознанием того факта, что на одном чудесном характере далеко не уедешь. Ах да, а еще у нее красивые волосы.

И дело даже не в характере, а в слове «зато», которое люди всегда добавляют, когда говорят о ней: «Зато у нее замечательный характер». Выбора Агнессе не предоставили. Перед тем как ей появиться на свет, никто не спросил у нее, хочет ли она родиться с чудесным характером или предпочтет, скажем, отвратительный характер *и* тело, которое легко влезет в платье девятого размера. А теперь ей твердят, что

красота – это все наносное, поверхностное. Как будто мужчинам есть дело до красивых почек!

Будущее грозило вот-вот раздавить ее.

Периодически она ловила себя на том, что когда хочет выругаться, то восклицает «дрянь!» или «ах, чтоб тебя!», а письма пишет на розовой бумаге.

Она приобрела репутацию спокойной, правильной девушки, на которую всякий может положиться в трудную минуту.

Агнесса знала, что ее ждет впереди. Очень скоро она научится готовить песочное печенье не хуже, чем это делает ее мать, и тогда все – на каких-либо надеждах можно будет ставить крест.

Так и появилась на свет Пердита. Где-то Агнесса слышала, что внутри каждой толстушки живет стройная красавица³. Этой красавице она и дала замечательное имя Пердита. Пердита делала то, на что сама Агнесса никогда не осмелилась бы по причине *чудесного* характера. Свои письма Пердита писала на черной бумаге – ну, или писала бы, если бы такое сошло ей с рук. И Пердита не краснела на каждом шагу. Со всем напротив, ее отличала загадочная бледность. Пердита была так интересна в своей заблудшести. Так привлекательна в своей греховности! И красилась она темно-вишневой губной помадой! Лишь изредка Агнессе приходило в голову, что Пердита, быть может, такая же дура, как и она сама.

Неужели единственной альтернативой было присоеди-

---

³ Которая сама не своя до шоколадных конфет.

ниться к ведьмам? Порой она ощущала, хоть и смутно, их интерес. Ну, это как будто чувствуешь на себе чей-то испытующий взгляд, но не видишь, кто на тебя смотрит. Хотя один раз она заметила, как нянюшка Ягг критически рассматривает ее – примерно так же разглядывают подержанную кобылу.

Агнесса и сама осознавала, что *какой-то* талант у нее есть. Иногда она предвидела то, что должно произойти, хотя знание это было весьма путаным, а следовательно, бесполезным – оно обретало четкую форму, только когда событие уже произошло. А еще у нее был голос. Необычный голос. Она всегда с удовольствием пела, и голос был полностью послушен ей. Он делал все, что она хотела.

Но как живут ведьмы? О, нянюшка Ягг очень милая старушка – этакий вечно бодрый живчик. Зато все прочие ведьмы какие-то ненормальные: они двигаются поперек мира, а не параллельно ему, как обычные люди... Взять, к примеру, старую мамашу Дипбаж, для которой прошлое и будущее – открытая книга, зато в настоящем она слепа как крот. Или вот Милли Хорош из Ломтя: она заикается, а из ушей у нее течет. А уж что до матушки Ветровоск...

О да. Самая прекрасная профессия в мире? Все ведьмы – брюзгливые старухи, у которых нет ни друзей, ни подруг.

И они вечно рыщут в поисках таких же ненормальных, как они сами.

Но с Агнессой Нитт им не обломится.

Она сыта по горло жизнью в Ланкре. И ведьмами. И жизнью Агнессы Нитт. Поэтому она... сбежала.

С виду ни за что нельзя было сказать, что нянюшка Ягг – прирожденная бегунья. Тем не менее она передвигалась с обманчивой быстротой, разбрасывая тяжелыми башмаками кучи листьев.

С неба доносились гусиные клики. Небосклон пересекла еще одна стая. Птицы так торопились успеть за летом, что в баллистической спешке их крылья были почти неподвижны.

У хижины матушки Ветровоск был заброшенный вид. От домика веяло пустотой.

Обежав дом, нянюшка ворвалась в заднюю дверь, затопала вверх по ступенькам, увидела исхудалое тело на постели, мгновенно сделала соответствующие выводы, схватила с мраморного умывальника кувшин с водой, ринулась назад...

Резко взметнувшись вверх, матушкина рука схватила ее за запястье.

– Я всего-навсего решила *вздремнуть*. – Матушка открыла глаза. – А твой топот, Гита, разбудил бы даже медведя в спячке.

– Надо срочно заварить чай! Ты сама должна увидеть... – выдохнула нянюшка. От облегчения она едва не осела на пол.

Матушка Ветровоск была достаточно умна, чтобы не задавать лишних вопросов.

Однако чашка хорошего чая не готовится в спешке. Нянюшка Ягг нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, пока матушка раздувала огонь, вылавливала из ведра с водой лягушат, кипятила воду и настаивала сухие листья.

– Я не буду делать никаких выводов, – произнесла нянюшка, наконец усаживаясь на табурет. – Просто налей чашку чая и сама погляди.

В целом ведьмы довольно-таки пренебрежительно относились к гаданию по чайным листьям. Ну что чайники могут знать о будущем? Они не более чем объект, на котором успокаивается взгляд. А всю работу делает ум. В качестве такого «успокоительного» подойдет практически что угодно. Пылинки на поверхности лужи, кора ветки... в общем, что угодно. Например, нянюшка Ягг хорошо предсказывала будущее по пене в пивной кружке. Пена неизменно показывала, что нянюшке вот-вот предстоит насладиться освежительным напитком, и почти наверняка бесплатно.

– Помнишь молодую Агнессу Нитт? – спросила нянюшка, пока матушка Ветровоск разыскивала молоко.

Матушка нахмурилась.

– Ту Агнессу, которая еще называет себя Пердитихой?

– Пердитой Икс, – поправила нянюшка.

Человек имеет право поменять свою жизнь, и нянюшка это право уважала.

Матушка пожала плечами.

– Толстуха. С копной волос. Когда ходит, ноги выворачивают.

вает наружу. Часто слоняется по лесу и поет. Хороший голос. Любит читать. Самое крепкое словцо, что я от нее слышала, – «дрянь». Стоит кому-то на нее посмотреть, заливается краской. Носит черные перчатки с отрезанными пальцами.

– А помнишь, мы как-то говорили, что она, быть может... подойдет?

– Гм, ты права, в ней есть что-то этакое, – согласилась матушка. – Вот только... имя неудачное.

– Ее отца звали Послед, – задумчиво произнесла нянюшка Ягг. – Их было три сына: Перед, Серед и Послед. С фантазией в этом семействе всегда были проблемы.

– Я говорила про Агнессу, – ответила матушка. – Лично мне это имя напоминает бахрому на коврике.

– Наверное, поэтому она и назвала себя Пердитой.

– Это еще хуже.

– Ты сосредоточилась? – спросила нянюшка.

– Да, пожалуй, сосредоточилась.

– Отлично. А теперь посмотри на чайнки.

Матушка заглянула в чашку.

Драматический эффект вышел не особо ярким – наверное, из-за того, что нянюшка несколько переборщила с напряжением. И все же матушка тихонько присвистнула.

– М-да. Вижу, – произнесла она.

– И ты тоже?

– Угу.

– Похоже на... череп?

– Угу.

– А глазищи? Лично я чуть не обо... я очень удивилась, когда увидела эти глазищи.

Нянюшка аккуратно поставила чашку на блюде.

– Ее мамаша показала мне письма, которые она пишет родным, – продолжала она. – Я их прихватила с собой. Холодок по коже идет, когда читаешь эти письма, Эсме. Ее ждет что-то очень плохое. Но она девушка из Ланкра. Одна из наших. А мы, ланкрцы, своих в беде не бросаем.

– Чайнки не умеют предсказывать будущее. – Голос ма-тушки звучал спокойно. – Это всем известно.

– Кроме самих чаинок.

– Ну да, надо быть совсем слабоумным, чтобы пытаться спорить с чайной заваркой.

Нянюшка Ягг перевела взгляд на пачку писем Агнессы. Детский, округлый почерк – такой почерк обычно свойствен человеку, который в детстве честно и прилежно копировал буквы в прописях, но, повзрослев, редко брал в руку перо, а потому почерк его так и не изменился. Кроме того, автор писем аккуратно разлиновал бумагу тонкими карандашными линиями.

«Дарогая мамачка, надеюсь, это письмо благополучно дайдет до тебя, патаму што я его тебе пасылаю. Я в Анк-Морпорке, и у меня все харошо. Меня еще не изнасиловали!! Жыву я по адресу улицы

Паточной Шахты, 4, место хорошее, и...»

Матушка взяла в руки следующее письмо.

«Дарогая мамачка, надеюсь, у тебя все хорошо. У меня все отлично, только деньги тают. Для заработка я пою в тавернах, но мне неочень много платят. Поэтому я пошла в Гильдию Белашивец, чтобы взять какоенибудь шитье. Чтобы показать, што я умею, я прихватила коекакие свои вышивки. И ты ПАРАЗИШСЯ, другова слова не найти...»

А вот еще одно послание...

«Дарогая мамачка, наконец у меня есть хорошие новости. На следующей неделе в Опере будут правдить слушания...»

– Что такое «опера»? – осведомилась матушка Ветровоск.

– Это как театр, только там все время поют.

– Ха! *Театр!* – мрачно прокомментировала матушка.

– Это мне мой Невчик как-то рассказывал. Говорит, там все время распевают на иностранных языках. А еще он сказал, что за все представление не понял ни слова.

– Твой *Невчик* много чего не понимает. И что, интересно, он делал в Опере?

– Отбивал черепицу с крыши, – довольным голосом ответила нянюшка.

Воровство, совершенное кем-то из представителей семейства Ягг, воровством не считалось.

– Из этих писем не много-то почерпнешь. Девушка приехала в город, образовывается там. – Матушка задумчиво наклонила голову набок. – Однако этого слишком мало для...

Раздался неуверенный стук в дверь. Это был Шон Ягг, младший сын нянюшки и единственный представитель всех общественных служб Ланкра. На данный момент к его лацкану был приколот значок почтальона; процесс доставки почты в Ланкре заключался в том, что Шон снимал мешок с письмами с гвоздя, куда его вешал возчик почтовой кареты, и потом, когда у него появлялось свободное время, разносил почту по домам. Хотя многие ланкрцы сами являлись к мешку и брали себе то письмо, которое понравится.

Приветствуя матушку Ветровоск, Шон уважительно прикоснулся к шлему.

– Сегодня много писем, мам, – произнес он, обращаясь к нянюшке Ягг. – Э-э... И все они адресованы... Э-э... В общем, ты лучше сама посмотри, мам. – Он протянул нянюшке кипу конвертов.

– Ланкрской Ведьме, – громко прочитала она.

– Стало быть, это мне, – твердо заявила матушка Ветровоск и взяла письма.

– Гм. Мне, пожалуй, пора. – Нянюшка попятилась к две-

ри.

– Ума не приложу, и кому это пришло в голову писать мне, – произнесла матушка, вскрывая один из конвертов. – Но слава такая штука, быстро разносится по земле...

Матушка сосредоточилась на тексте.

– «Дарагая Ведьма, – прочла она, – пишу, штобы сказать тебе, как мне панравился рицепт Знаменитаго Марковно-устричново Пирога. Мой муж...»

Нянюшка Ягг успела преодолеть только половину расстояния до тропинки, как вдруг ее башмаки налились страшной тяжестью, пригвоздив нянюшку к земле.

– Гита Ягг, а ну, немедленно вернись!

Агнесса предприняла еще одну попытку. В Анк-Морпорке она никого не знала, а ей нужно было хоть с кем-то поговорить, пусть даже ее при этом не будут слушать.

– Наверное, самое главное, почему я уехала оттуда, так это из-за ведьм, – начала она.

Кристина повернулась к ней. Глаза девушки расширились, губки изумленно приоткрылись. Наверное, именно так должен выглядеть очаровательный шар для боулинга.

– Из-за ведьм?! – выдохнула она.

– Ну да, – утомленно произнесла Агнесса.

Вот так всегда. На упоминание о ведьмах люди всегда реагируют одинаково – с изумленным восхищением. Ведьмы? Вот здорово! Ага, здорово, попробовали бы пожить с ними

рядом...

– Из-за самых настоящих ведьм?! Которые творят заклинания и летают на помеле?!

– Творят и летают.

– Ничего удивительного, что ты сбежала!!

– Что? А... нет... я не о том. Принято считать, будто бы ведьмы все до одной плохие, злые, коварные и так далее, но тут все гораздо хуже...

– То есть они, ведьмы, на самом деле куда хуже?!

– Понимаешь, они почему-то уверены, что все-все на свете знают. И могут решать за человека, что хорошо для него, а что – нет!

На маленьком лобике Кристины собрались морщинки. Это с ней случалось в тех редких случаях, когда она задумывалась над вещами более сложными, чем, к примеру, вопросы типа: «Как тебя зовут?»

– Но разве это так уж пло...

– Они... повсюду суют свои носы. Считают, будто бы тем самым творят добро! А их хваленое ведьмовство? Да нет никакого ведьмовства. Все их чары – это элементарное надувательство! Самые умные нашлись! Думают, им все можно!

Кристина даже пошатнулась – с такой силой были произнесены последние слова.

– О, дорогая!! – воскликнула она. – Значит, они чего-то хотели от тебя?! Чтобы ты что-то сделала?!

– Они хотят, чтобы я кое-кем *стала*. Но я не пойду у них

на поводу!

Кристина ошеломленно уставилась на нее. После чего чисто автоматически выкинула из своей очаровательной головки все ненужное.

– Ну и ладно!! – весело кивнула она. – А теперь, по-моему, нам пора познакомиться с нашим новым домом!!

Взгромоздившись на скрипучий табурет, нянюшка Яг сняла с верхней полки продолговатый, завернутый в бумагу предмет.

Матушка, скрестив руки на груди, следила за ее действиями суровым взглядом.

– Дело-то в том, – щебетала нянюшка, чувствуя, как этот взгляд пронизывает ее насквозь, – что мой последний муж, он однажды, как сейчас помню, это было после обеда, так вот, однажды он и говорит мне: «Знаешь, мать, а ведь стыдно было бы, если бы все твои знания ушли вместе с тобой – то есть когда *ты* уйдешь. Почему бы тебе не перенести что-нибудь на бумагу?» И с тех пор время от времени я что-то калякала на бумажках, а потом вдруг подумала: неплохо бы сделать все это красиво – ну и отослала свои записи в Анк-Морпорк, там есть такие специальные люди, которые возятся с ешегодниками, и прикинь, взяли с меня всего ничего, а недавно прислали вот это, лично мне нравится, на славу постарались, ты сама посмотри, какие аккуратненькие получились буквочки...

– Так ты, стало быть, *книжку* написала! – не ослабляя интенсивности взгляда, прокомментировала матушка.

– О, это так, сборничек рецептов, – откликнулась нянюшка смиренней некуда. Таким голосом обычно просят у суровых судий о снисхождении.

– Да что ты смыслишь встряпне? Ты ведь в жизни ничего не готовила.

– Неправда, у меня тоже есть фирменные блюда.

Матушка перевела свой испепеляющий взор на здоровенный том, что возлежал теперь у нее на руках.

– «Радость Домоводства», – громко прочла она. – Автор – Ланкрская Ведьма. Ха! А почему ты собственное имя на обложку не поставила? На книгах надо ставить имя настоящего автора, чтобы все знали, кто написал этот бред.

– Это мой псевдотический ним, – объяснила нянюшка. – Господин Козлингер, ну, тот самый, главный по ещегодникам, сказал, что так будет гораздо таинственнее, а людям нравится таинственность.

Матушка перевела взгляд-буравчик на надпись внизу обложки. Там очень маленькими буквами было написано: «СХХVIIое Пириздание. Продано Более Двацати Тысячт Икзимпляров! Мы Исдаем Синсации. Пол Доллара».

– И ты послала им деньги, чтобы они напечатали эту чушь?

– Так, пустяки, пару долларов, – махнула рукой нянюшка. – Но ты посмотри, работа какая! А кроме того, деньги

мне потом вернули. Даже с лихвой – они обсчитались на три доллара в мою пользу.

Матушка Ветровоск инстинктивно не доверяла книгам, но цифрам не доверяла еще больше. Она пребывала в глубоком убеждении, что все написанное, скорее всего, чистое вранье, а стало быть, и цифры грешат тем же самым. Кроме того, именно к цифрам обычно прибегают люди, вознамерившиеся вас обсчитать.

Беззвучно шевеля губами, матушка размышляла о цифрах.

– О, – наконец сказала она очень тихим и спокойным голосом. – И на этом все? Больше ты этому Козлингеру не писала?

– Боги упаси. Иначе мне бы пришлось отдавать лишнее. Целых три доллара, не забывай! А их бы обязательно потребовали взад.

– Ну да, ну да, понимаю...

Матушка все еще пребывала в мире цифр. Она пыталась сообразить, сколько это может стоить – сделать такую книжку. Вряд ли особо много: есть ведь нечто вроде печатных мельниц, они и выполняют за вас всю работу.

– В конце концов, три доллара – это тебе не хухры-мухры, – нарушила ход ее размышлений нянюшка.

– С этим я абсолютно согласна, – ответила матушка. – У тебя случайно не найдется карандаша? Ты ведь у нас грамотная, книжки строчишь!

– У меня есть грифельная доска.

– Давай сюда.

– Просто держу ее под рукой. Вдруг увижу во сне какой-нибудь особый деликатес, чтобы тогда проснуться и сразу записать рецепт. Ха-ха.

– Ха-ха, – неопределенно откликнулась матушка.

Грифель заскользил по серой досточке. *Бумага тоже должна что-то стоять. И наверняка продающему книгу надо заплатить пару пенни...* На доске принялись выстраиваться столбики угловатых цифр.

– Давай я еще чайку приготовлю, а? – предложила нянюшка, явно испытывая облегчение от того, что все так благополучно закончилось.

– Гм-м-м? – промычала матушка. Внимательно изучив результат, она дважды подчеркнула его. – Но ты ведь получила удовольствие? – вдруг спросила она. – Ну, то есть от своей писанины?

Из-за двери, ведущей в буфетную, высунулась радостная голова нянюшки Ягг.

– О да! – воскликнула нянюшка. – Деньги для меня не важны.

– А считать ты никогда не умела? – с той же задумчивостью продолжала матушка, обводя итоговую цифру в кружок.

– Эсме, ты ведь меня знаешь, – весело чирикнула нянюшка. – Терпеть не могу эти задачки. Сколько будет, если от

двух фартингов отнять одну миску с бобами...

– Ну и хорошо. Потому что, согласно моим расчетам, господин Козлингер должен тебе гораздо больше, чем три доллара. Это если по-честному.

– Не в деньгах счастье, Эсме. Главное – здоровье, а остальное все...

– Итак, согласно моим расчетам и если по-честному, он должен тебе от четырех до пяти тысяч долларов, – так же спокойно произнесла матушка.

В буфетной что-то грохнуло.

– В общем, хорошо, что для тебя счастье не в деньгах, – рассуждала матушка Ветровоск. – Иначе тебе было бы совсем кисло. Ну, то есть если бы для тебя деньги что-то значили.

Из-за края двери вынырнуло бледное лицо нянюшки Ягг.

– Не может быть!

– Четыре-пять тысяч – это очень приблизительно. Скорее всего, даже больше.

– Да быть того не может!

– Просто берешь цифры, складываешь, вычитаешь, делишь...

Нянюшка Ягг, охваченная благоговейным ужасом, взирала на собственные пальцы.

– Но это ведь целое...

Она прервалась. «Состояние» – единственное слово, которое сейчас приходило ей на ум, но оно несколько не соот-

ветствовало ситуации. Ведьмы не оперируют понятиями рыночной экономики. И, честно говоря, не только ведьмы – все население Овцепиков живет себе поживает и даже не подозревает о том, что где-то существует такая штука, как экономика. *Пятьдесят* долларов тут уже считаются целым состоянием. А сто долларов – это, это... это *два* состояния.

– В общем, это очень много денег, – слабым голосом закончила нянюшка. – Что бы я стала делать с такими деньжищами?

– Откуда мне знать? – пожала плечами матушка Ветровск. – А с тремя долларами ты что сделала?

– Положила в копилку на камине, – ответила нянюшка Ягг.

Матушка одобрительно кивнула. Подобную финансовую политику она одобряла.

– Честно говоря, ума не приложу, и чего столько шуму из-за какой-то поваренной книги, – добавила она. – Обычный сборник рецептов, ничего осо...

В комнате воцарилась тишина. Слышно было лишь, как нянюшка Ягг переминается с ноги на ногу.

– Гита, это ведь самый обычный сборник рецептов? – наконец произнесла матушка голосом, исполненным подозрительности и еще более зловещим от того, что матушка сама еще не совсем поняла, что именно тут не так.

– О да! – поспешила ответить нянюшка, упорно избегая матушкиного взгляда. – Да. Обычные рецепты и все такое.

Да.

Матушка буравила ее взглядом.

– *Только* рецепты?

– Да. Конечно. О да. Ну и... кое-какие кулинарные анекдотцы.

Матушка не сводила с нее глаз.

В конце концов нянюшка сдалась.

– Э-э... Посмотри рецепт под названием Знаменитый Морковно-Устричный Пирог, – произнесла она. – Двадцать пятая страница.

Матушка зашелестела страницами. Ее губы начали беззвучно проговаривать буквы. А потом:

– *Понятно*. Что-нибудь еще?

– Э-э... Алтеевые Пальчики с Корицей... Семнадцатая страница.

Матушка прочла и этот рецепт.

– И?

– Э-э... Сельдереевый Восторг... Десятая страница.

Матушка ознакомилась и с *этим*.

– Лично меня этот твой рецепт в *восторг* не привел, – произнесла она. – Дальше.

– Э-э... Ну, еще Забавные Пудинги и Натортные Украшения. Они все собраны в главе шестой, там можно читать подряд. Я их даже проиллюстрировала.

Матушка обратилась к шестой главе. Пару раз ей пришлось перевернуть книгу вверх ногами.

– Ты про что сейчас читаешь? – поинтересовалась нянюшка Ягг.

Как-никак, она ведь была автором, а нет на свете такого автора, который бы не жаждал поскорее узнать реакцию читателей.

– Про Клубничную Выкрутку.

– А-а! Очень смешная штука.

Однако матушке, судя по всему, было не смешно. Она аккуратно закрыла книгу.

– Гита, – сказала она, – ответь мне на очень важный вопрос. Есть ли в этой книге хоть одна страница, хотя бы один рецепт, который так или иначе не был бы связан с... известным процессом?

Нянюшка Ягг, красная, как яблоко, надолго задумалась.

– Овсянка, – наконец произнесла она.

– Неужели?

– Да. Э-э... Хотя, пожалуй, нет, туда ведь надо добавлять мою специальную медовую смесь, а поэтому...

Матушка перекинула пару страниц.

– А что ты скажешь на это? Невинные Пампушки?

– *Ну-у-у*, готовить ты их начинаешь как самые невинные пампушки, – нянюшка снова начала переминаться с ноги на ногу, – но потом они превращаются в Искусительные Булочки.

Матушка опять принялась рассматривать обложку. «Радость Домоводства»...

– И ты все это собрала и послала в Анк-Морпорк?

– Как-то само собой получилось, честно.

Нельзя сказать, что матушка Ветровоск была ветераном на полях любовных сражений. Скорее она выступала в роли стороннего зрителя, внимательно наблюдавшего за происходящим со стороны, и поэтому была в курсе всех правил. Ничего удивительного, что книжонка идет нарасхват, как пирожки с пылу с жару. Какой рецепт ни открой, везде говорится, как этого пылу-жару поддать. Странно, что страницы не жгутся.

И автором значится некая «Ланкрская Ведьма». А должному миру – и нечего тут скромничать – прекрасно известно, кто есть Ланкрская Ведьма. Стало быть, книгу написала матушка Ветровоск.

– Гита Ягг, – зловеще произнесла она.

– Да, Эсме?

– Гита Ягг, посмотри мне в глаза.

– Прости меня, Эсме.

– Здесь написано «Ланкрская Ведьма».

– Я не подумала, Эсме.

– Ты немедленно отправишься в город, встретишься с господином Козлингером и прекратишь это безобразие, ясно? Я не хочу, чтобы люди смотрели на меня и думали о Банановом Изумлении. Более того, я *не верю* в Банановое Изумление. А еще мне бы очень не хотелось, чтобы, когда я иду по улице, вслед мне неслись всякие скользкие шуточки о бананах.

– Да, Эсме.

– Поэтому для верности я отправлюсь с тобой.

– Хорошо, Эсме.

– И мы поговорим с этим человеком о твоих деньгах.

– Ладно, Эсме.

– Заодно заглянем к молодой Агнессе, посмотрим, все ли у нее в порядке.

– Конечно, Эсме.

– Но действовать нужно дипломатично. Нам ни к чему, чтобы люди думали, будто мы суем нос в чужие дела.

– Разумеется, Эсме.

– Я никогда не совала свой нос в чужие дела, в этом меня никто не упрекнет.

– Нет, Эсме.

– Ты хотела сказать: «Нет, Эсме, в этом тебя никто не упрекнет»? Я правильно поняла твою реплику?

– О да, Эсме.

– Ты уверена?

– Абсолютно уверена, Эсме.

– Отлично.

Матушка выглянула в окно, окинула взглядом умирающие листья, серое небо и с удивлением почувствовала, что ее тоска куда-то подевалась. Всего лишь накануне будущее казалось мрачной бездной одиночества. А сегодня оно сулит множество изумления (пусть даже и бананового), ужасы, всякие опасности...

Разумеется, не матушке Ветровоск, кому-то другому.

Нянюшка Ягг, снова скрывшись в буфетной, тихонько улыбнулась сама себе.

Агнесса кое-что знала о театре. В Ланкр периодически приезжала одна бродячая труппа. Сцена у них была раза в два больше положенной на землю двери, а «кулисы» состояли из куска мешковины, за которым один актер обычно пытался переодеть штаны и парик одновременно, в то время как второй актер, скажем, в обличье короля, торопливо дымил самокруткой.

Здание Оперы было почти таким же большим, как дворец патриция, но гораздо более роскошным. Оно занимало площадь в добрых три акра. При нем была конюшня для двадцати лошадей, а в подвале жили два слона; Агнесса любила проводить там время, потому что по сравнению с ней слоны были просто огромными, и это придавало ей уверенности.

За сценой располагались комнаты с высокими потолками, где хранили декорации для множества спектаклей. А еще где-то в здании размещалась балетная школа. Как раз в эту самую минуту на сцене несколько девочек в уродливых шерстяных гамашах выполняли ежедневные упражнения.

Внутреннее устройство здания Оперы – по крайней мере, устройство задника сцены – наводило Агнессу на мысли о будильнике, который ее брат однажды разобрал в надежде найти заветный тик-так. Это было уже почти и не зда-

ние вовсе, а некая машина. Декорации, занавеси, веревки свисали из мрака, напоминая ужасных существ, что поселились в заброшенном подвале. Сцена была лишь крошечной частью этой машины, пятачком света в огромном, запутанном, мрачном лабиринте, полном сложных и важных механизмов...

Откуда-то сверху, из темноты, покачиваясь на воздушных волнах, приплыл клочок пыли и упал ей на плечо. Агнесса смахнула его.

– По-моему, я слышала чей-то голос, – произнесла она.

– Это, наверное, Призрак!! – воскликнула Кристина. – У нас ведь есть свой Призрак, ты знаешь?! О, ты заметила, я сказала «у нас»!! Ну разве это не чудесно?!

– Человек в белой маске, – кивнула Агнесса.

– О?! Так ты, значит, слышала о нем?!

– Что? О ком?

– О Призраке?!

Вот дрянь, подумала Агнесса. Она опять попалась. Думала, что ее прошлое осталось позади... и попалась. Надо быть осторожнее. Она знала некоторые вещи, а откуда – сама не знала, просто знала, и все. Такое зачастую выводит людей из равновесия. И это определенно выводило из равновесия ее.

– О, я просто... наверное, кто-то сказал мне... – пробормотала она.

– Говорят, он невидимка и разгуливает по Опере!! То его замечают на галерке, а потом – вжик, и он уже за кулисами!!

И никто не знает, как это у него получается!!

– В самом деле?

– А еще говорят, он смотрит каждое представление!! Поэтому в восьмую ложу никогда не продают билеты!!

– В восьмую ложу? – переспросила Агнесса. – А что такое ложа?

– Ну, ложи!! Ты что, не знаешь?! Это где сидят самые важные зрители!! Пойдем, я покажу!

Приблизившись к краю сцены, Кристина грациозно помахала пустому зрительному залу.

– Ложи!! – воскликнула она. – Вот там!! А вон там, высоко, раёк!!

В огромном зале ее голосу вторило звучное эхо.

– А почему самые важные зрители не сидят в райке? Судя по названию, там должно быть лучше всего.

– О нет!! Самые важные люди всегда сидят в ложах!! Или в партере!!

– А там кто сидит? – показала пальцем Агнесса. – Оттуда тоже, наверное, хорошо видно...

– Ты что, совсем дура?! Это же оркестровая яма!! Для музыкантов!!

– Ну, в этом есть смысл. Э-э... А которая ложа восьмая?

– Не знаю!! Но говорят, что, если когда-нибудь в эту ложу продадут билеты, случится ужасное!! Ну разве это не романтично?!

По непонятной причине взгляд практичной Агнессы как

магнитом притягивала к себе огромная люстра, нависающая над зрительным залом, словно фантастическое морское чудовище. Толстая веревка исчезала во мраке под потолком.

Послышался тихий звон стеклянных подвесок.

Очередная вспышка предвидения (с которыми Агнесса все время безуспешно боролась) высветила в ее сознании предательский образ.

– Эта люстра... Мне кажется, скоро тут что-то случится.

Что-то плохое, – пробормотала Агнесса.

– Да что ты!! Такого не может быть!! – всплеснула ладошками Кристина. – Я абсолютно уверена, тут все предусмотрели и...

Вдруг по залу прокатился мощный аккорд, заставивший сцену вздрогнуть. Люстра недовольно зазвенела, откуда-то сверху посыпалась штукатурка.

– Что это было? – испуганно спросила Агнесса.

– Дурочка, ты что, никогда органа не слышала?! Он такой большой, что установлен за сценой!! Пошли, посмотрим!!

Подбежав к органу, они обнаружили, что вокруг него уже толпятся другие работники Оперы. Неподалеку валялось перевернутое ведро, прямо посреди озерца зеленой краски.

Один из плотников, стоявших рядом с Агнессой, протянул руку и взял конверт, который лежал на стуле у органа.

– Это послание нашему боссу, – произнес он.

– А вот когда мне приходит письмо, почтальон просто стучит в дверь, – высказалась какая-то балеринка и захихикала.

Агнесса посмотрела вверх. В затхлом мраке лениво покачивались веревки. На какое-то мгновение ей почудилось, будто там, наверху, мелькнуло что-то белое. Мелькнуло и тут же пропало.

А потом она вдруг увидела, что под потолком, запутавшись в канатах, дергается какая-то фигура.

Сверху капнуло что-то влажное и липкое и разбрызгалось по клавишам органа.

Вокруг уже вовсю вопили, когда Агнесса вытянула руку, коснулась быстро расширяющейся лужицы и понюхала палец.

– Это кровь! – заорал плотник.

– Точно кровь? – воскликнул музыкант.

– Кровь!! – заверещала Кристина. – Кровь!!

«Такова моя судьба, – грустно подумала Агнесса. – Сохранять хладнокровие, пока все вокруг орут и бегают». Она опять понюхала палец.

– Э-э, прошу прощения... – робко сказала она. – Но вообще-то это скипидар.

Запутавшаяся в канатах фигура скорбно застонала.

– Может, нам снять его оттуда? – добавила Агнесса.

Карло Резакофф был скромным резчиком по дереву. Но скромным его делала вовсе не профессия. Он оставался бы таким же скромным, даже если бы ему принадлежали пять лесопилок. Он от природы был скромным.

Итак, со свойственной ему неприязнительностью Карло Резакофф складывал бревна на перекрестке дороги, ведущей к Ланкру, и главного горного тракта, когда к этому же самому перекрестку с грохотом подкатила деревенская телега и высадила двух старушек в черном. В одной руке каждая из старушек держала помело, а в другой – котомку.

Старушки яростно спорили. Причем это была не какая-нибудь скоротечная ссора типа «поругались, и хватит». Пререкания, судя по всему, начались не вчера, обрели хроническую форму и грозили затянуться как минимум на ближайшее десятилетие.

– Все, конечно, очень здорово, но ведь три доллара-то *moi!* Почему ты должна решать, как мы туда отправимся?

– Мне нравится летать.

– А я тебе говорю, Эсме, в это время года на помеле продует насквозь. Сквозняк заберется тебе в такие места, о которых ты даже не подозреваешь.

– Да ну? Так просвети меня, что же это за места такие?

– О, Эсме!

– И нечего на меня о-эсмекаать! Это не я изобрела Восхитительные Свадебные Трюфеля со Специальными Губчатыми Пальчиками.

– Вот и Грибо не любит летать на помеле. У него очень чувствительный желудок.

Резакофф вдруг заметил, что одна из котомок лениво шевелится.

– Гита, он у меня на глазах сожрал полскунса и не подавился. Так что не рассказывай мне сказки про его чувствительный желудок, – поморщилась матушка, у которой коты в принципе вызывали антипатию. – А кроме того... он опять занимался Этим.

Нянюшка Ягг ответила ей беззаботным взмахом руки.

– О, Этим он занимается только иногда, когда уж совсем припрет.

– Он занимался Этим не далее как на прошлой неделе, в курятнике старушки Общипец. Та отправилась посмотреть, что там за шум, так этот наглец даже не потрудился скрыться, а так и продолжал заниматься Этим прямо у нее на глазах. Она потом долго отлеживалась.

– Бедняжка, он, наверное, испугался еще больше ейного, – встала на защиту своего любимца нянюшка.

– Ты же сама знаешь, какая опасная штука эти заграницы. Они разлагающе действуют на неокрепшие умы, – нахмурилась матушка. – Вот ты таскала за собой повсюду этого своего котяру, и теперь посмотри, что он... Да, что такое?

К ним робко приближался Резакофф – в полуприседе, характерном для человека, который, с одной стороны, пытается привлечь к себе внимание и в то же время не хочет лезть в чужие дела.

– Прошу прощения, дамы, вы не дилижанс случаем ждете?

– Его самого, – обрубил та, что повыше.

– Гм, боюсь, следующий дилижанс тут не останавливает-ся. Он едет напрямиком до Рыбьих Ручьев.

Старушки наградили его парой вежливых взглядов.

– Большое спасибо, – ответила высокая и опять поверну-лась к своей компаньонке. – О чем я? А, да. Старушка Об-щипец долго не могла оправиться от потрясения. Я даже ду-мать боюсь, чему он научится в этой нашей поездке.

– Без меня он чахнет. Он принимает пищу только из моих рук.

– Да. Потому что все остальные уже не раз пытались его отравить. И знаешь, я этих людей понимаю!

Резакофф печально покачал головой и вернулся к своим бревнам.

Через пять минут из-за поворота показался дилижанс. Ло-шади мчались во весь опор. Вот он поравнялся со старушка-ми...

...И остановился. То есть его колеса вдруг заклинило, а лошади ни с того ни с сего встали как вкопанные.

Это было не столько торможение, сколько вращение во-круг своей оси, постепенно сошедшее на нет ярдов через пятьдесят. Возница к тому времени очутился на дереве.

Старушки, не прекращая своего спора, дружно двинулись к дилижансу.

Одна из них ткнула помелом в возницу.

– Два билета до Анк-Морпорка, пожалуйста.

Тот приземлился на дорогу.

– Что значит два билета до Анк-Морпорка? Дилижанс здесь не останавливается!

– По-моему, он сейчас стоит.

– Так это *ваших* рук дело?

– Наших?

– Послушай, госпожа, даже если бы я здесь останавливался, билеты стоят по сорок, дьявол их раздери, долларов каждый!

– О.

– И почему вы с метлами? – вдруг заметил возница. – Вы что, ведьмы?

– Да. А что, для ведьм у вас особые правила? Или, может, отношение особое?

– Отношение самое обычное! У нас ведьм считают «старыми вешалками, которые любят совать нос не в свои дела»!

На некоторое время воцарилась тишина, а потом, почти сразу, разговор снова продолжился, но уже в совершенно ином ключе. Просто из него как будто бы пропала пара-другая реплик.

– Так как ты сказал, молодой человек?

– Два пригласительных билета до Анк-Морпорка. Для нашей компании это большая честь.

– А места будут внутри? На крыше мы не поедем.

– Само собой, госпожа, конечно, внутри. Прошу прощения, тут лужа, я сейчас на колени встану, а вы с моей спины переберетесь прямо в дилижанс. И ножек не замочите.

Дилижанс тронулся. Провожая его взглядом, Резакофф довольно улыбнулся. Оказывается, люди еще не забыли, что такое хорошие манеры, и это приятно.

С огромными трудностями, после громких криков и долгого распутывания канатов под крышей, таинственного незнакомца наконец опустили на сцену.

Бедняга насквозь пропитался краской и скипидаром. Его сразу окружила стремительно растущая толпа из свободно-го на данный момент персонала и актеров, увиливающих от репетиции.

Опустившись на колени, Агнесса расстегнула пострадавшему ворот рубахи и ослабила веревку, перетянувшую ему шею и грудь.

– Кто-нибудь его знает? – спросила она.

– Да это же Томми Крипс, – узнал один из музыкантов. –

Он красит декорации.

Застонав, Томми открыл глаза.

– Я видел его! – пробормотал он. – Это ужасно!

– Видел кого? – спросила Агнесса.

Она огляделась, и у нее вдруг возникло такое ощущение, будто она только что вмешалась в чужой разговор. Со всех сторон доносились голоса.

– Жизель говорила на прошлой неделе, что тоже видела его!

– Он здесь!

– Опять началось!

– Значит, мы все *обречены*?! – пискнула Кристина.

Томми Крипс схватил Агнессу за запястье.

– У него лицо как у Смерти!

– У кого?

– У Призрака!

– Какого при...

– Белый череп! И совсем без носа!

Пара балеринок хлопнулись в обморок – но осторожно, чтобы не испачкать сценические костюмы.

– Как же он тогда... – начала было Агнесса.

– *И я тоже его видел!*

Все как один дружно повернулись.

По сцене шел пожилой человек в древней оперной шляпе, через плечо – котомка. Свободной рукой он выразительно (даже чересчур выразительно) крутил в воздухе, словно знал нечто ужасное и с нетерпением предвкушал ту минуту, когда по всем спинам в радиусе ста метров побегут огромные холодные мурашки. Котомка, по-видимому, содержала в себе что-то живое, поскольку дергалась и подпрыгивала на плече у незнакомца.

– Я видел его! Оооооооодаа! В огромном черном плаще! Лицо без глаз, а вместо глаз черные дыры! Ооооооо! И...

– На нем что, маска была? – осведомилась Агнесса.

Старик прервался и одарил ее мрачным взглядом. Очевидно, этот свой взгляд он приберегал для тех людей, кто

упорно пытается привнести толику здравомыслия, как раз когда ситуация приобретает столь заманчиво-депрессивную окраску.

– И носа у него тоже не было! – возопил он, не удостоив ее ответом.

– *Это* я уже сказал, – с заметной досадой пробормотал Томми. – И очень громко. Так что *это* все уже знают.

– Если у него нет носа, как же он ню... – снова засомневалась Агнесса, но никто ее не слушал.

– А про глаза ты говорил? – деловито осведомился старик.

– Только-только собирался, – отрезал Томми. – Да, так вот, а глаза у него, как...

– Вы ведь описываете какую-то маску? – громко спросила Агнесса.

Теперь уже все вокруг посмотрели на нее с выражением, которое обычно свойственно уфологам, услышавшим фразу: «Эй, а ведь если присмотреться, то видно, что это всего лишь стая гусей».

Человек с котомкой звучно откашлялся.

– Как бездонные бездны, вот какие у него были глаза, – сообщил он, правда уже без прежнего вдохновения. Удовольствие было испорчено. – Бездонные бездны, – кисло повторил он. – Сам видел. А носа, повторюсь, не было. На этом все, спасибо за внимание.

– Ну точно, самый что ни на есть Призрак! – воскликнул один из рабочих сцены.

– Он выпрыгнул из-за органа, – поведал Томми Крипс. – А в следующую секунду вокруг моей шеи уже обвилась веревка и я висел вверх ногами!

Присутствующие перевели взгляды на человека с котомкой. Интересно, чем он пойдет в ответ на это?

– Гигантские черные дыры, – выдавил тот, очевидно предпочитая держаться уже изведанной территории.

– Та-ак, что здесь у нас происходит?

По боковому проходу приближалась внушительная фигура. У вновь прибывшего были волнистые черные волосы, тщательно уложенные таким образом, чтобы придать им вид легкой взъерошенности, как будто от дуновения беззаботного ветерка. Но лицо под шевелюрой было лицом организатора. Мужчина кивнул старику с котомкой.

– Что это ты на меня так уставился, а, господин Хвать? – осведомился он.

Старик тут же опустил глаза.

– Я говорю только то, что видел, господин Зальцелла, – произнес он. – Я *много* чего вижу, вот так-то...

– И все через доньшко бутылки. Уж меня-то тебе не обмануть, старый бездельник. Ну, что случилось с Томми?

– Это был Призрак, господин Зальцелла! – воскликнул Томми в восторге от шанса опять выйти на авансцену. – Он на меня ка-ак набросился! И по-моему, у меня сломана нога, – быстро добавил он тоном человека, который вдруг осознал некоторые неприятные последствия случившегося.

По идее, на слова Томми вновь прибывший должен был отреагировать какой-нибудь репликой типа: «Призрак? Никаких призраков не бывает». Во всяком случае, Агнессе показалось, что у господина Зальцеллы лицо человека, который на подобные суеверия реагирует именно так. Но вместо этого он сказал:

– Значит, опять появился? И куда он делся потом?

– Я не видел, господин Зальцелла. Набросился на меня – и тут же куда-то скрылся!

– Эй, кто-нибудь, помогите Томми добраться до буфета, – приказал Зальцелла. – И позовите доктора...

– Нога у него не сломана, – произнесла Агнесса. – Но на шее серьезный ожог от веревки, а в ухо ему налилась краска.

– Да кто ты такая, госпожа, чтобы судить, что у меня сломано, а что нет? – возмутился Томми.

Сломанная нога – это куда благороднее, чем какая-то краска, залившая ухо. Куда больше возможностей.

– Я... э-э... я немного училась, – замялась Агнесса и поспешила добавить: – Но ожог очень тяжелый и чреват посттравматическим шоком.

– В таких случаях очень помогает бренди, правда ведь? – сразу согласился Томми. – Может, кто-нибудь попробует влить сквозь мои крепко сжатые губы пару-другую капель?

– Огромное спасибо, Пердита. Так, – Зальцелла обвел взглядом собравшихся, – ну, что мы здесь толпимся? Все по местам и работать.

– Огромные черные дыры, – упорно твердил Хвать. – Гигантские и пустые.

– Да-да, Хвать, и тебе спасибо. А теперь помоги Рону отвести Крипса в буфет. Пердита, ты иди сюда. И ты, Кристина, тоже.

Обе девушки послушно вытянулись перед главным режиссером.

– Вы сами что-нибудь видели? – спросил Зальцелла.

– Лично я видела огромное существо с огромными хлопающими крыльями и гигантскими черными дырами вместо глаз!! – мгновенно воскликнула Кристина.

– А я только видела, как под потолком мелькнуло что-то белое, – пожалала плечами Агнесса. – Извините...

Сказав это, она покраснела. Опять от нее никакого толку. Вот Пердита на ее месте увидела бы таинственную фигуру в плаще или еще что-нибудь... *интересное*.

Зальцелла улыбнулся.

– Насколько я понял, ты видишь вещи такими, какие они есть? – произнес он. – Сразу видно, дорогуша, ты в Опере совсем недавно. Однако должен заметить, что для разнообразия приятно встретить здесь уравновешенного, здравомыслящего человека...

– *О нет!* – снова раздался чей-то вопль.

– Призрак!! – автоматически взвизгнула Кристина.

– Э-э, не совсем. Это крикнул молодой человек, он за органом, – поправила Агнесса. – Извините...

– К тому же еще и наблюдательного, – прокомментировал Зальцелла. – В то время как ты, Кристина, насколько я могу судить, прекрасно вписываешься в обстановку. Ну, Андре, в чем дело?

Из-за органичных труб высунулась белокурая шапка волос.

– Кто-то тут неплохо порезвился, господин Зальцелла, – скорбно произнес юноша. – Меха, струны, педали... Все приведено в негодность. Инструмент сломан. Мне не извлечь из него даже простенькой мелодии. А ведь этот орган *бесценен*.

Зальцелла вздохнул.

– Отлично. Я поставлю в известность *господина* Бадью, – сказал он. – Всем спасибо.

И, хмуро кивнув Агнессе, зашагал прочь.

– Зря ты так с людьми... – неопределенно посетовала нянюшка Ягг, когда дилижанс начал набирать скорость.

Дружелюбно улыбаясь во весь рот, она окинула взглядом остальных путешественников, еще не пришедших в себя после неожиданной остановки.

– Утречко доброе, – произнесла она, роясь в мешке. – Меня зовут Гита Ягг, у меня пятнадцать детей, а это моя подруга Эсме Ветровоск, мы едем в Анк-Морпорк. Может, кто-нибудь хочет сэндвич с яйцом? Я с собой много прихватила. На них, правда, спал котик, но с ними ничегошеньки не случилось, вот, смотрите, их только разогнуть – и ешь на

здоровье! Нет? Ну, как вам будет угодно. Так, посмотрим, что у нас там еще... Ага! Ни у кого открывалки для пива нет?

Мужчина в углу подал знак, означающий, что у него может найтись указанный предмет.

– Отлично, – довольным тоном промолвила нянюшка Ягг. – А из чего мы будем пить? Посуда какая-нибудь есть?

Тут же кивнул еще один мужчина, готовый внести свою лепту в предстоящее пиршество.

– Вот и ладненько, – одобрила нянюшка Ягг. – А теперь самое главное: бутылки пива ни у кого не найдется?

Все путешественники в ужасе взирали на нянюшку и ее мешок, а поэтому матушка невольно оказалась как-то в стороне от происходящего. Воспользовавшись этим, она решила повнимательнее разглядеть попутчиков.

Путь дилижанса лежал через Овцепики и дальше – по лоскутному одеялу равнин с заплатками-деревушками. Сорок долларов стоило только выбраться из Ланкра – во сколько же обойдется дальнейшая дорога? И что это за люди, которые согласны потратить ббольшую часть двухмесячного жалованья на то, чтобы путешествовать быстро и без удобств?

Тощий типчик, вцепившийся в свой мешок, скорее всего, шпион, заключила матушка. Толстяк, предложивший стакан под пиво, смахивал на какого-нибудь торговца; у него был неприятный цвет лица, свидетельствующий о том, что этот человек не просто любил приложиться к бутылке, но практически не выпускал ее из своих объятий.

«Шпион» и «торговец» жались на одном конце скамьи, потому что другую ее часть занимал некто, своими пропорциями весьма смахивающий на волшебника. Лицо его было прикрыто носовым платком, и он испускал храпы с регулярностью гейзера – даже внезапная остановка дилижанса, судя по всему, его не разбудила. В целом выглядел «волшебник» так, как будто единственное, что ему порой досаждало в жизни, это тенденция мелких предметов притягиваться к нему, ну и периодические приливы-отливы.

Нянюшка Ягг все продолжала увлеченно копать в своем мешке, а в подобных случаях нянюшкин рот, минуя мозг, подключался напрямую к глазным яблокам.

А еще нянюшка привыкла путешествовать на помеле. Наземное путешествие на большое расстояние было ей в новинку, поэтому она тщательно подготовилась.

– ...Нукуся... сборник кроссвордов для долгих путешествий... подушечка... тальк... капкан на комаров... разговорник... пакет, в который рвать... о-о!

Аудитория, которая за время этой литании умудрилась вопреки всем физическим законам ужаться так, чтобы оказаться еще дальше от нянюшки, внимала ее речам с расширившимися от потрясения глазами.

– Что такое? – осведомилась матушка.

– Как ты думаешь, эта телега часто делает остановки?

– А в чем дело?

– Нужно было сходить кой-куда на дорожку. Прошу про-

щения. Это все от качки. Кто-нибудь знает, в этой коробке есть туалет? – бодро спросила нянюшка.

– Э-э, – произнес предполагаемый шпион, – обычно мы ждем до следующего города, ну а в самых крайних случаях...

Он вовремя прикусил язык, чуть было не добавив: «И окно сойдет». Для мужчины, путешествующего по ухабистым деревенским дорогам, это действительно был выход. Однако «шпиона» остановило ужасное предчувствие, что сидящая рядом с ним кошмарная старушка может отнестись к его предложению всерьез.

– До Охулана совсем недалеко, – пробормотала матушка, тщетно пытавшаяся чуть-чуть подремать. – Подожди капельку.

– Этот дилижанс в Охулане не останавливается, – подсказал «шпион».

Матушка Ветровоск подняла голову.

– Раньше не останавливался, – поправила она «шпиона».

Господин Бадья сидел в своем кабинете, пытаясь разобраться в бухгалтерских отчетах Оперы.

Но тщетно. Раньше у него никогда не возникало трудностей с бухгалтерскими документами, однако эти бумажки были родственны бухгалтерии примерно в той же степени, в какой песок родствен часovому механизму.

Нечаст Бадья всегда любил оперу. Он, правда, ничего в ней не понимал, но океан, к примеру, он тоже не понимал, и

что ж теперь, ему нельзя любить океан? Оперу он рассматривал как дело, которым вполне можно заняться, скажем, на пенсии. Кроме того, предложение было слишком выгодным, чтобы упустить его. В бизнесе, которым он занимался до сих пор (оптовая продажа сыра, молока и их производных), наступили суровые времена, поэтому Нечаст Бадья и решил пуститься в более спокойные воды мира искусств.

Преыдушие владельцы поставили несколько очень даже неплохих опер. Жаль, что их гений не распространялся на бухгалтерскую отчетность. Создавалось впечатление, что деньги снимались со счетов в любой момент, когда возникала потребность в наличных средствах, а система финансовой отчетности главным образом состояла из записок на клочках бумаги типа: «Взял тридцатку, чтобы заплатить К. Верну в понедельник. Р.». Кто такой Р.? А К. кто такой? И зачем он взял деньги? В мире сыров и молочных продуктов такие штучки никому не сходят с рук.

Дверь отворилась. Бадья оторвался от записей.

– А, Зальцелла, – приветствовал он. – Спасибо, что заглянул. Ты случайно не знаешь, кто такой К.?

– Нет, господин Бадья.

– А Р.?

– Боюсь, что и его я не знаю. – Зальцелла пододвинул себе стул.

– У меня на это ушло все утро, но в конце концов я все-таки подсчитал, что за пуанты мы платим более полутора ты-

сяч долларов в год, – с этими словами Бадья помахал бумажным листком.

Зальцелла кивнул.

– Да, на кончиках пальцев они здорово протираются.

– Но это же нелепо! Я до сих пор ношу башмаки отца!

– Только пуанты – это не башмаки вашего отца. Скорее они похожи на перчатки для ног, и очень тонкие, – объяснил Зальцелла.

– Да ну? Ничего себе перчаточки! Стоят семь долларов пара и снашиваются мгновенно! За несколько представлений! Должен же быть *какой-то* способ сэкономить...

Зальцелла смерил нового работодателя долгим, холодным взором.

– Может, нам стоит попросить балерин проводить побольше времени в воздухе? – наконец предложил он. – Ну, подкинут их в несколько раз больше, с них ведь не убудет.

Лицо Бадьи приняло озадаченный вид.

– А что, это сработает? – подозрительно спросил он.

– Если балерин все время будут швырять туда-сюда, им не придется ходить. А значит, пуанты будут меньше изнашиваться, правильно? – ответил Зальцелла тоном человека, которому точно известно, что в этой комнате он самый умный из присутствующих.

– А ведь и верно. Точно. Поговори с главной по балету, хорошо?

– Обязательно. Уверен, она с восторгом отнесется к на-

шему предложению. Ну надо же, одним махом вы урезали расходы наполовину.

Бадья просиял.

– Что очень кстати, – продолжал Зальцелла. – Поскольку есть один вопрос, который мне хотелось бы с вами обсудить...

– Да-да?

– Помните, у нас раньше был орган?

– Был? В каком это смысле *был*? – воскликнул Бадья. – Судя по всему, речь пойдет об очень дорогостоящих вещах. Ладно, выкладывай. Что у нас имеется?

– У нас имеются много-много трубок и кое-какие клавиши, – отрапортовал Зальцелла. – Все остальное восстановлению не подлежит.

– Но что случилось? Кто посмел?

Зальцелла откинулся на спинку стула. Вообще-то, человек он был незлобивый, но сейчас Зальцелла неожиданно ощутил, что получает немалое удовольствие от происходящего.

– А скажите, господин Бадья, – спросил он, – когда господа Пнигус и Кавалья продавали вам Оперу, они случаем не упоминали ни о чем... гм... сверхъестественном?

Бадья поскреб в затылке.

– Э-э... вроде упоминали. После того как я подписал договор и выложил денежки. Они вроде как пошутили. Сказали: «О, кстати, ходят слухи, что в Опере водится призрак, при-

чем не просто призрак, а в смокинге, ха-ха, смех да и только, ох уж эти творческие натуры, ну прям как дети малые, ха-ха, но на всякий случай, чтобы не столкнуться с настоящим бунтом, никогда не продавайте на премьерях билеты в восьмую ложу, ха-ха». Я хорошо помню эти их слова. Когда платишь тридцать тысяч долларов, память как-то вдруг обостряется. А потом Пнигус и Кавалья сразу убыли. На довольно быстром экипаже, как мне теперь припоминается.

– О! – Зальцелла почти улыбался. – Ну что ж, теперь, когда чернила уже давно просохли, пожалуй, стоит просветить вас относительно небольшой детали...

Птички пели. Ветер, словно погремушками, играл сухими коробочками вереска. Поднеси ухо к одной из них – и слышно, как внутри перекатываются и погромыхивают семена.

Матушка Ветровоск обследовала кюветы в поисках интересных трав.

Высоко над холмами сарыч издал пронзительный крик и ушел в вираж.

Дилижанс стоял на обочине – хотя на самом деле должен был всю нестись по дороге по крайней мере в двадцати милях отсюда.

Наконец матушке надоело. Она бочком придвинулась к скоплению кустов дрока.

– Эй, Гита, ты там как?

– Прекрасно, прекрасно, – откликнулся приглушенный

ГОЛОС.

– По-моему, возница начал проявлять легкие признаки нетерпения.

– Природу торопить бесполезно, – последовал философский ответ.

– Ну, я-то здесь ни при чем. Это ведь *ты* сказала, что на помеле слишком дует.

– Слушай, Эсме Ветровоск, лучше сделай кое-что полезное, – слышалось из-за кустов. – Буду очень тебе обязана, если ты нарвешь мне щавеля или лопухов.

– Щавеля и лопухов? И что ты намерена с ними делать?

– Я намерена сказать: «О, какое счастье, большие листья, как раз то, что мне нужно!»

На некотором расстоянии от кустарника, в котором нянюшка Ягг приобщалась к природе, раскинулось безмятежное под тихим осенним небом озеро.

В камыше умирал лебедь. По крайней мере, ему пришло время умереть.

Однако возникла непредвиденная заковыка.

Смерть, утомившись, присел на бережку.

– ПОСЛУШАЙ, – сказал он. – Я ЗНАЮ, ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ПОРЯДОК. ЛЕБЕДИ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ПОЮТ. ПОЮТ ВСЕГО ОДИН РАЗ В ЖИЗНИ – И КАК РАЗ ПЕРЕДО МНОЙ. ИМЕННО ОТСЮДА И ПОШЛО ВЫРАЖЕНИЕ «ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ». ТАК ТРОГАТЕЛЬНО. ДА-

ВАЙ ПОПРОБУЕМ ЕЩЕ РАЗ.

Из тенистых закоулков своего одеяния он извлек камертон и слегка тронул его косой.

– ВОТ НУЖНАЯ НОТА...

– Не-ка! – ответил лебедь, качая головой.

– ПОЧЕМУ? ТЕБЕ ЧТО-ТО НЕ НРАВИТСЯ?

– Наоборот, мне тут очень нравится, – сообщил лебедь.

– УВЫ, НИЧЕГО НЕ МОГУ ПОДЕЛАТЬ.

– А тебе известно, что я ударом крыла легко ломаю человеку руку?

– МОЖЕТ, Я НАЧНУ, А ТЫ ПОДПОЕШЬ? ЗНАЕШЬ «СЕРЕНАДУ СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЫ»?

– Дрянь из слюнявых фильмов! Я, между прочим, лебедь!

– ТОГДА, МОЖЕТ, «КОРИЧНЕВЫЙ КУВШИНЧИК»? ХА-ХА-ХА, ХЕ-ХЕ-ХЕ, ЗВЯК-ЗВЯК-ЗВЯК...

– И это называется песня? – Лебедь разгневанно зашипел и, качнувшись всем телом, переступил с одной перепончатой лапы на другую. – Не знаю, откуда ты родом, мужик, но в наших местах в музыке разбираются куда лучше.

– В САМОМ ДЕЛЕ? ТАК, МОЖЕТ, ПРОДЕМОНСТРИРУЕШЬ МНЕ?

– Не-ка.

– ПРОКЛЯТЬЕ.

– Думал поймать меня? – произнес лебедь. – Хотел нагреть? Думал, я расслаблюсь и исполню тебе пару тактов песни коробейника из «Лоэнлебдя», да?

– НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛ. ЧТО ЗА ПЕСНЯ КОРОБЕЙНИКА ТАКАЯ?

Лебедь сделал глубокий, усердный вдох.

– Ну, та самая, она еще начинается: «Ты резать мой горло, битте шён...»

– С УДОВОЛЬСТВИЕМ, – произнес Смерть.

Коса рассекла воздух.

– Вот гадство!

Мгновением спустя лебедь вышел из своего тела и взъерошил перья на белоснежных, но теперь уже слегка прозрачных крыльях.

– Ну и что дальше? – спросил он.

– ТЕБЕ РЕШАТЬ. ЭТО ВЫ ДОЛЖНЫ РЕШАТЬ САМИ.

Откинувшись на спинку кожаного кресла, Нечаст Бадья сидел с закрытыми глазами, пока главный режиссер не закончил свой рассказ.

– Итак, – произнес Бадья, – посмотрим, правильно ли я тебя понял. Имеется Призрак. Каждый раз, когда кто-нибудь в этом здании теряет молоток, делается вывод, что молоток украл Призрак. Кто-то сфальшивил – тоже из-за Призрака. Но *вместе с тем*, если потерянное *находится*, благодарят за это того же Призрака. Если спектакль прошел хорошо, то, само собой, Призрак постарался. Он идет бесплатным приложением к зданию, как крысы. То и дело попадаете людям на глаза, но видят его недолго, потому что он приходит и

уходит, как... как Призрак. Кроме того, каждую премьеру он *бесплатно* пользуется восьмой ложей. И ты утверждаешь, народ его *любит*?

– «Любит» не совсем верное слово, – поправил Зальцелла. – Правильнее было бы сказать, что... конечно, это чистой воды суеверие, но считается, что он приносит удачу. Во всяком случае, так всегда считалось.

«Только тебе этого не понять, неотесанный сыродел, – добавил он про себя. – Сыр есть сыр. Молоко скисает естественным образом. Тебе не надо заставлять его скисать, вздрючивая несколько сотен человек, пока у них нервы не натянутся как струны...»

– Приносит удачу... – без всякого выражения повторил Бадья.

– Удача очень важна. – В голосе Зальцеллы кубиками льда плавало страдальческое долготерпение. – Наверное, в сыроделии темперамент не самый важный фактор?

– Мы больше полагаемся на сыворотку.

Зальцелла вздохнул.

– Так или иначе, в Опере считается, что Призрак... приносит удачу. Раньше, бывало, он посылал людям короткие ободряющие записки. После по-настоящему удачного представления сопрано находили в своих гримерных коробки шоколадных конфет, его подарки. А еще он любит дарить мертвые цветы.

– *Мертвые цветы?*

– Даже не цветы. Просто букеты розовых стеблей, без бутонов. Это нечто вроде торговой марки Призрака. Считается, что такой его подарок тоже приносит удачу.

– Мертвые цветы приносят удачу?

– Очевидно. А вот живые цветы в опере уж точно к ужасному невезению. Некоторые певицы даже в гримерку их никогда не принесут. Ну а мертвые цветы вполне безопасны. Конечно, охапка цветочных стеблей – несколько странное зрелище, зато ничем тебе не угрожает. И появление таких букетов никого не тревожило. Наоборот, это был знак того, что Призрак вас поддерживает. По крайней мере, истолковывалось это именно так. До некоторых пор. Но шесть месяцев назад...

Бадья опять прикрыл глаза.

– Рассказывай, – промолвил он.

– Произошло несколько... несчастных случаев.

– Каких именно?

– Иногда подобные несчастные случаи называют трагическими случайностями.

Нечаст Бадья по-прежнему не открывал глаз.

– Есть такое определение... – задумчиво произнес он. – В моей практике был трагический случай, когда Рэг Множ и Фред Сырвар вечером чинили цистерны с сывороткой, а как раз перед этим выяснилось, что Рэг встречается с женой Фреда, так вот каким-то образом, – Бадья сглотнул, – каким-то образом Рэг, по словам Фреда, оступился и упал

прямо в...

– Я не знаком с господами, о которых вы говорите, но... да, *такого* рода несчастные случаи. Именно.

Бадья вздохнул.

– В тот раз «Аромат Деревни» особенно удался!..

– Так мне рассказывать о *наших* несчастных случаях?

– По-моему, именно это ты и собрался сделать. Не важно, понравится это мне или нет.

– Портниха пришила себя к стенке. Потом заместителя главного декоратора нашли с картонным мечом в груди. А о том, что случилось с рабочим, который открывал люк в сцене, лучше вообще не упоминать. А еще с крыши таинственным образом исчезло все свинцовое покрытие. Хотя насчет последнего я не уверен – вряд ли это работа Призрака.

– И что, вы... упорно называете это... несчастными случаями?

– Ну вы же, например, хотели и дальше продавать свой сыр, верно? Так и у нас. Вряд ли наших работников обрадовало бы известие, что Опера действует на людей, как мухомор на мух.

Вынув из кармана конверт, Зальцелла положил его на стол.

– Призрак любит оставлять небольшие сообщения, – сказал он. – Вот это было на органе. Первым послание прочел маляр, и... с ним едва не приключился несчастный случай.

Бадья понюхал конверт. Бумага отдавала скипидаром.

Внутри оказался фирменный бланк Оперы, а на листке каллиграфическим почерком было написано:

**«Ахахахахаха! Ахахахахаха! Ахахахахаха!
БЕРЕГИТЕСЬ!!!!!»**

Искренне Ваши

Призрак Оперы».

– Каким же человеком надо быть, – терпеливо продолжал Зальцелла, – чтобы отправлять письмом свой маниакальный хохот? Я не говорю уже об этих восклицательных знаках. Вы обратили внимание? Целых пять штук! Верный признак, что написавший это послание вместо шляпы носит подштанники. Впрочем, Опера еще и не такое с людьми творит. Послушайте, давайте, по крайней мере, обобщем здание. Подвалы тут те еще. Но на лодке мы вполне...

– На лодке? В подвалах?

– О! Так о подвалах вам тоже не рассказывали?

Бадья улыбнулся радостной, полубезумной улыбкой человека, который и сам уже приближался к состоянию двойных восклицательных знаков.

– Нет, – покачал головой он. – О подвалах мне тоже не сообщили. Предыдущие владельцы все наши встречи только и делали, что не рассказывали мне о загадочном убийце и о том, что люди здесь мрут как мухи. И никаких подозрительных фраз типа: «О, кстати, в последнее время в Опере участились смертельные случаи, а еще в подвалах повысился уровень влажности...»

– Там настоящий потоп.

– Замечательно! – отозвался Бадья. – И чем их затопило?

Кровью?

– А вы разве не осматривали помещения?

– Предыдущие владельцы сказали, что подвалы в отличном состоянии!

– И вы поверили?

– Ну, после всего того шампанского, что мы вместе выпили...

Зальцелла вздохнул.

Бадья воспринял этот вздох как личное оскорбление.

– Я, между прочим, весьма горжусь своей способностью распознавать характер человека с первой же встречи, – уведомил он. – Загляни человеку в глаза и крепко пожми ему руку – и сразу будешь все о нем знать.

– Воистину так, – согласился Зальцелла.

– О, проклятье... Послезавтра сюда прибудет сеньор Энрико Базилика. Как ты думаешь, ему тоже грозит какая-нибудь опасность?

– Ну, если и грозит, то небольшая. Максимум перережут глотку, делов-то...

– Как-как ты сказал? Глотку? Но с чего ты это взял?

– Просто выдвинул предположение. Однако есть и другие варианты развития событий.

– Так что же мне делать? Закрывать заведение? Насколько я понял, вряд ли мне удастся сделать деньги на этом похо-

ронном бюро. И почему никто не сообщил о происходящем Городской Страже?

– Это лишь усугубило бы положение, – покачал головой Зальцелла. – Сюда ворвались бы здоровущие тролли в ржавых доспехах, они бы топали повсюду, всем лезли под руку и задавали глупые вопросы. Нет, только троллей нам в Опере не хватало. Это стало бы последней каплей.

Бадья сглотнул.

– Ты прав, этого мы допустить не можем, – произнес он. – Все и так на нервах. Нельзя допускать, чтобы люди... окончательно были на нервах.

Зальцелла откинулся на спинку стула и, такое впечатление, немного расслабился.

– На нервах? Господин Бадья, – улыбнулся он, – это *опера*. Здесь на нервах *все* и *всегда*. Вы когда-нибудь слышали о кривой катастрофичности?

Нечаст Бадья напряг все свои умственные способности.

– Ну, насколько мне известно, на пути к Щеботану есть место, где дорога ужасным образом изгибается...

– Кривая катастрофичности, господин Бадья, – это именно та кривая, по которой движется оперная жизнь. И опера удаётся благодаря тому, что невероятное множество вещей чудесным образом *не случается*. Опера живет на ненависти, любви и нервах. И так все время. Это не сыр, господин Бадья. Это опера. Если вам хотелось спокойного времяпрепровождения, лучше бы вы не покупали Оперу, а приобрели что-ни-

будь более мирное, спокойное, навроде стоматологического кабинета для крокодилов.

Нянюшка Ягг любила вести активный образ жизни, поэтому заставить ее скучать ничего не стоило. Зато и развеселить ее никакого труда не составляло.

– Интересный способ путешествовать... – заметила она. – Знакомишься с новыми местами.

– Ага, – ответила матушка. – Примерно каждые пять миль ты с ними и знакомишься.

– Правда, иногда бывает скучновато.

– По-моему, эти клячи еле плетутся.

К данному моменту в дилижансе не осталось никого, кроме ведьм и огромного толстяка, что продолжал храпеть под своим платком. Все остальные предпочли присоединиться к путешествующим на крыше.

Главной причиной этого стал Грибо. Руководствуясь безошибочным кошачьим инстинктом выбирать людей, которые терпеть не могут кошек, он тяжело прыгал на чьи-нибудь колени и устраивал путешествующему веселую жизнь типа: «Ура-ура, молодой масса вернулся на плантации!» Таким способом он приводил свою жертву в состояние безропотной покорности, а потом засыпал, с когтями не настолько глубоко запущенными в кожу, чтобы пошла кровь, но достаточно, чтобы жертва понимала: вздумай она вздохнуть или пошевелиться – и эта кровь немедленно прольется. После

чего, убедившись, что человек полностью смирился с ситуацией, Грибо начинал вонять.

Откуда исходил запах, было совершенно непонятно. Во всяком случае, не из какого-либо видимого отверстия. Просто минут через пять кошачьего «сна» воздух над Грибо насыщался всепроникающим ароматом унавоженных ковров.

В данный момент нянюшкин кот обрабатывал толстяка. Однако ничего не получалось. Первый раз в жизни Грибо нашел брюхо, слишком большое даже для него. Кроме того, от непрерывных волнообразных подъемов и спусков его уже начинало подташнивать.

Раскаты храпа сотрясали дилижанс.

– Да, не хотела бы я оказаться между *ним* и его пудингом, – заметила нянюшка Ягг.

Матушка смотрела в окно. По крайней мере, матушкино лицо было обращено в ту сторону, тогда как глаза ее сосредоточились на бесконечности.

– Гита?

– Что, Эсме?

– Можно задать тебе один вопрос?

– Обычно ты не спрашиваешь моего разрешения, – удивилась нянюшка.

– Тебя не удручает, что люди не умеют думать как следует?

«О-хо-хо, – подумала нянюшка. – Похоже, я вовремя выдернула ее из привычной среды обитания. Да здравствует ли-

тература».

– Ты это о чем?

– О том, что люди постоянно отвлекаются.

– Честно говоря, Эсме, не могу сказать, что когда-либо всерьез задумывалась над этим.

– Например... ну, например, если бы я спросила тебя: Гита Ягг, вот представь, в твоём доме пожар, какую вещь первым делом ты кинешься спасти из огня?

Нянюшка закусила губу.

– Это что, ну, как его, один из личностёвых вопросов-ловушек?

– Именно.

– То есть из моего ответа ты хочешь узнать, что я за человек...

– Гита Ягг, я знаю тебя всю свою жизнь и *знаю* тебя как облупленную. Твои ответы меня не особо интересуют. Но все же ответь.

– Пожалуй, я бросилась бы спасти Грибо.

Матушка кивнула.

– Потому что это показывает, какая я добрая, заботливая и вся из себя ответственная, – продолжала нянюшка.

– Вовсе нет, – отрезала матушка. – Это как раз показывает, что ты относишься к людям, которые стараются дать наиболее правильный, положительный ответ. Тебе вообще нельзя верить. Это самый что ни на есть ведьмовской ответ. Уклончивый и лукавый.

На лице нянюшки появилось горделивое выражение.

Храп перешел в быстрое хлюпанье. Носовой платок зашевелился.

– ...Пудинг из патоки, пжлста, и побольше перчицы...

– Эй, он что-то говорит, – подняла палец нянюшка.

– Разговаривает во сне, – ответила матушка Ветровоск. –

Он давно уже болтает.

– Надо ж, а я ни разу не слышала!

– Ты большей частью отсутствовала в дилижансе.

– О.

– На последней остановке он говорил о блинчиках с лимоном, – сказала матушка. – И о картофельном пюре с маслом.

– От твоих описаний у меня слюнки потекли, – ответила нянюшка. – Слушай, где-то в мешке должен был завалиться пирог со свинойной...

Храп резко оборвался. Вверх взлетела рука, отбросившая носовой платок в сторону. Открывшееся лицо оказалось дружелюбным, бородатым и... маленьким. Человек одарил ведьм робкой, намекающей на свиной пирог улыбкой.

– Желаешь кусочек, господин хороший? – предложила нянюшка. – У меня и горчичка найдется.

– О, неужели, милая дама? – визгливым голосом отозвался толстяк. – Ну надо ж, уж и не припомню, когда последний раз ел пирог со свинойной. Ой...

Толстяк скорчил гримасу, как будто сказал что-то не то, но тут же его лицо снова радостно расплылось.

– А еще есть бутылка пива, если хочешь промочить горло.

Нянюшка принадлежала к той категории людей, которым зрелище того, как едят другие, доставляет почти такое же удовольствие, как и сама еда.

– Пиво? – отозвался мужчина. – Пиво? Знаете, обычно мне пиво не позволяется. Якобы оно мне вредит. А на самом деле я бы отдал *что угодно* за бутылочку пива...

– Простого «спасибо» будет достаточно. – Нянюшка передала ему бутылку.

– И кто ж тебе не позволяет пить пиво? – полюбопытствовала матушка.

– По сути, я сам виноват, – донеслось сквозь облако крошек. – Сам угодил в эту ловушку...

Звуки снаружи изменились. Мимо замелькали огни города. Дилижанс замедлил ход.

Толстяк судорожно затолкал в горло последний кусок пирога и влил туда же остатки пива.

– О, чудо... – произнес он, после чего откинулся на спину и снова закрыл лицо носовым платком.

Но тут же отогнул один уголок.

– Только никому не говорите, что я с вами разговаривал, – предупредил он. – Однако знайте: отныне и вовек Генри Лежебокс ваш верный друг.

– И чем же ты занимаешься, Генри Лежебокс? – осторожно осведомилась матушка.

– Я... ну, можно сказать, я работаю горлом.

– Понятно. Мы так и подумали, – кивнула нянюшка Ягг.

– Нет, я имел в виду...

Дилижанс остановился. Захрустел гравий – с крыши дилижанса полезли вниз путешественники. А затем дверь открылась и...

Взору матушки предстала огромная толпа. Люди взволнованно тарачились в дилижанс. Рука матушки автоматически потянулась поправить шляпу, но в этот самый момент несколько других рук протянулись к Генри Лежебоксу. Тот сел, нервно улыбаясь, и безропотно предоставил вывести себя наружу. Несколько раз толпа начинала скандировать некое имя. Но это было не имя Генри Лежебокса.

– А кто такой Энрико Базилика? – спросила нянюшка Ягг.

– Понятия не имею, – ответила матушка. – Может быть, это человек, которого так боится наш толстяк?

Постоялый двор представлял собой полуразвалившуюся хижину с двумя гостевыми спальнями. Как беспомощным, путешествующим в полном одиночестве старушкам, ведьмам выделили одну из комнат. Очень разумное решение, иначе последствия были бы непредсказуемы.

Лицо господина Бадьи обиженно вытянулось.

– Может, для всех вас я просто какая-то шишка из сырного мира, – сказал он. – Вы, наверное, считаете, что я самый обычный тупоголовый деляга, который не распознает культуру, даже если она будет плавать в его чае. Но я много лет

подряд покровительствовал оперным театрам. И могу почти целиком пропеть...

– Я абсолютно не сомневаюсь, что вы посещали Оперу не раз и не два, – перебил Зальцелла. – Но... много ли вам известно о нашем производственном процессе?

– Я бывал за кулисами многих театров...

– Вот именно. *Театров*. – Зальцелла вздернул голову. – Но театр даже близко не похож на оперу. Опера – это не просто театр, где поют и танцуют. Опера – это *опера*. Вам может показаться, что пьеса вроде «Лоэнлебдя» полна страсти. Но по сравнению с тем, что происходит за сценой, это так, детские шалости. Все певцы не переносят друг друга на дух, хор презирает певцов, и те и другие ненавидят оркестр, и все вместе боятся дирижера; суфлеры с одной стороны сцены не разговаривают с суфлерами противоположной стороны, танцоры, вынужденные поддерживать форму, сходят с ума от постоянного недоедания, и это только цветочки, а вот ягодки начинаются, когда...

В дверь постучали. Серии стуков были мучительно нерегулярными, как будто стучащему приходилось изо всех сил концентрироваться, чтобы выполнить свою задачу.

– Уолтер, ты можешь зайти, – отозвался Зальцелла.

Подволакивая ноги, вошел Уолтер Плюм. В каждой руке у него болталось по ведру.

– Пришел наполнить ведро для угля, господин Бадья!

Бадья неопределенно помахал рукой и вернулся к разго-

вору с главным режиссером.

– Так на чем мы остановились?

Зальцелла, не отрываясь, следил за движениями Уолтера, пока тот аккуратно, кусок за куском, перекладывал уголь из одного ведерка в другое.

– Зальцелла?

– Что? О! Прошу прощения... так о чем я говорил?

– Что-то насчет цветочков и ягодок.

– Гм? Ах да. Да. Так вот... видите ли, обычные актеры очень отличаются от актеров оперы. В обычной театральной постановке и млад и стар найдет себе соответствующую роль. Главное – талант. Поэтому театральным актером можно быть всю жизнь. И с возрастом человек лишь *оттачивает* свое мастерство. Но если ваш талант кроется в танцах или пении... Время крадется за тобой, как вор, все... – Он развел руками, подыскивая подходящее слово, но, так и не обнаружив оно, неловко закончил: – Все время. Время – это яд. Зайдите однажды вечером за кулисы и понаблюдайте. Вы увидите, что танцовщицы постоянно крутятся перед зеркалами, выискивая первые признаки грядущего возраста, а следовательно, несовершенства. Понаблюдайте за певцами и певицами. Все постоянно на взводе, каждый знает, что сегодняшнее выступление может стать последним идеальным выступлением и завтра все будет по-другому. Именно поэтому все так ищут удачи. Понимаете? Все эти разговоры о живых цветах, которые приносят несчастье, они из той же се-

рии. То же самое с зеленым цветом. И с ношением настоящих драгоценностей на сцене. И настоящими зеркалами на сцене. И свистом на сцене. Оттуда же пошло это подглядывание за зрителями через дырку в главном занавесе. И использование только новых коробочек с гримом в вечер премьеры. И вязание на сцене, даже во время репетиций. Желтый кларнет в оркестре – это к несчастью, и не спрашивайте меня почему. А если представление еще до своего окончания вдруг прервалось – хуже этого и быть не может. Лучше разбить тысячу зеркал или несколько месяцев просидеть под лестницей.

За спиной Зальцеллы Уолтер аккуратно положил в ведерко последний кусок угля и тщательно обмел его щеточкой.

– О боги, – выдохнул Бадья. – Я думал, с сыром было трудно, а тут!..

Он махнул рукой в сторону кипы бумажек и того, что выдавало себя за бухгалтерские отчеты.

– Я заплатил за это заведение тридцать тысяч! – воскликнул он. – Здание в самом центре города! Первоклассное место! Я думал, что отлично сторговался!

– Полагаю, предыдущие владельцы согласились бы и на двадцать пять.

– Да, а что там с этой восьмой ложей? Стало быть, формально она принадлежит Призраку?

– Да. И в дни премьер ее лучше не занимать.

– Но как он туда пробирается?

– Этого не знает никто. Мы много раз обыскивали ложу в поисках каких-нибудь потайных дверей, но...

– И этот Призрак не платит нам ни цента?

– Ни единого цента.

– Тогда как место в ложе стоит пятьдесят долларов за представление!

– Но если в премьерную ночь вы его продадите, то будет беда.

– Боже мой, Зальцелла, ты ведь образованный человек! Как ты можешь спокойно сидеть на этом вот стуле и мириться с подобным безумием? Какое-то создание в маске правит бал в Опере, занимает лучшую ложу, убивает людей, а ты тут разговариваешь о какой-то беде!

– Есть одно непреложное правило: шоу должно продолжаться.

– Но откуда это глупое правило взялось? Мы же никогда не говорим, к примеру: «Сыр должен продолжаться»! Что такого особенного в этом вашем вечно продолжающемся шоу?

Зальцелла улыбнулся.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – сила шоу, душа представления, все вложенные в него усилия, называйте как угодно... но *это* просачивается повсюду. Именно потому и твердят, что «шоу должно продолжаться». Оно *должно* продолжаться. Большая часть тех, кто работает в Опере, даже не поймут, как вообще можно задаваться подобным вопросом.

Бадья воззрился на то, что здесь сходило за финансовые

отчеты.

– В бухгалтерии местные работники точно ничего не понимают! Кто ведет бухгалтерские книги?

– Мы все.

– *Все?*

– Ну да. Деньги попадают в кассу, потом их оттуда забирают... – туманно произнес Зальцелла. – А разве это важно?

У Бадьи отвисла челюсть.

– *Важно* ли это?

– Опера ведь, – мягко продолжал Зальцелла, – совсем не приносит прибыли. И никогда ее не приносила.

– О чем ты говоришь? *Важно* ли это? Как ты думаешь, удалось ли бы мне достигнуть успеха в сырном бизнесе, если бы я считал, что деньги не важны?

Зальцелла улыбнулся, но в его улыбке совсем не было юмора.

– Там, на сцене, прямо в этот самый момент, наверняка найдутся люди, которые скажут, что лучше бы вам и дальше заниматься производством сыров. – Он вздохнул и перегнулся через стол. – Видите ли, – продолжал он, – сыр *приносит* прибыль. А опера – *нет*. На оперу деньги *тратят*.

– Но... что же тогда вы с нее имеете?

– Мы имеем оперу. Все очень просто: вы вкладываете деньги – и получается опера, – несколько утомленно произнес Зальцелла.

– А дохода нет *совсем*?

– Доход... доход, – пробормотал главный режиссер, потирая лоб. – Пожалуй что нет, за всю свою жизнь я ни разу не сталкивался с этим явлением.

– Так как же тогда выживать?

– Ну, мы как-то балансируем.

Бадья обхватил голову руками.

– Ну надо же, – пробормотал он, наполовину обращаясь к самому себе, – а я ведь с самого начала знал, что это заведение большой прибыли не приносит. Но упорно считал, что во всем виновато неправильное управление. У нас такая аудитория! Мы весьма прилично просим за билеты! Теперь же мне сообщают, что по зданию бегает Призрак и убивает людей, а кроме того, прибыли нет и не будет!

Зальцелла просиял.

– О, это и есть настоящая опера, – сказал он просветленно.

Грибо горделиво прогуливался по крыше постоянного двора.

В большинстве случаев кошки нервничают, когда их увозят с привычной территории. Именно поэтому в руководствах по уходу за кошками советуют при переезде смазывать кошачьи лапы маслом: предполагается, что, если животное периодически, поскользнувшись, врезается в стену, это несколько отвлекает его от размышлений на тему, в какую именно стену оно опять врезалось – в свою или чужую.

Но Грибо путешествовал без проблем, поскольку считал

само собой разумеющимся, что весь мир – его большая уборная.

Тяжело приземлившись на крышу сарая, он мягко двинулся к небольшому открытому окошку.

Грибо обладал еще одним свойством, а именно: он своеобразно и чисто по-кошачьи подходил к вопросу собственности. Его кредо можно было выразить следующим образом: на съедобные вещи право личной собственности не распространяется – еда принадлежит тому, кто первым наложит на нее свою лапу.

Окно источало самые разнообразные ароматы, включающие в себя запах пирогов с мясом и сливок. Протиснувшись сквозь окошко, Грибо приземлился на полку кладовки.

Разумеется, иногда он попадался. То есть его *заставали* на месте преступления.

Это *и в самом деле* сливки. Он направился к цели.

Грибо был уже на полпути к миске, когда дверь отворилась.

Уши Грибо прижались к черепу. Здоровый глаз принялся отчаянно искать пути к отступлению. Но окно находилось слишком высоко, а существо, открывшее дверь, было в длинном платье, которое перекрывало путь старому доброму «нырнуть между ног» и... и... и... *выхода не было...*

И тут когти его впились в половицы.

О нет... неужели опять началось?..

В морфическом поле Грибо что-то щелкнуло. Налицо

была проблема, с которой в личине кота справиться было невозможно. Что ж, тогда изменим подход...

С грохотом посыпалось столовое серебро. Под напором поднимающейся все выше головы полки по очереди ломались. Затем лопнул мешок с мукой, рассыпая белую пыль и уступая место стремительно расширяющимся плечам.

Повариха в ужасе взидала на происходящее. Затем опустила глаза. Потом опять посмотрела вверх. После чего, как будто ее взгляд тащили лебедкой, снова вниз.

А потом она завопила.

И Грибо завопил.

Быстро схватив тазик, он прикрыл ту часть тела, которую в бытность свою котом потребности прикрывать никогда не испытывал.

И завопил опять – на этот раз потому, что облил себе все ноги теплой свиной подливкой.

Лихорадочно шаря пальцами, он нащупал большую медную форму для желе и, прижав ее к паховой области, рванул напролом. Прочь из кладовки, через кухню, через столовую, – и в ночь, на свободу.

Шпион, который как раз ужинал в компании с путешествующим торговцем, положил нож на стол.

– М-да, такое не часто увидишь, – заметил он.

– Что? – Торговец уже давно разучился удивляться.

– Подобную медную форму для желе. В наше время она стоит приличных денег. У моей тетушки такая была.

Бившейся в истерике поварихе дали выпить хорошую порцию бренди. Несколько работников отправились во мрак искать причину суматохи, но нашли лишь форму для желе, которая одиноко валялась посреди двора.

Дома матушка Ветровоск спала с открытыми окнами и незапертой дверью. Она знала, что беспокоиться не о чем: разнообразные существа, населяющие Овцепикские горы, скорее съедят собственные уши, чем посмеют ворваться к ней. Однако в опасно цивилизованных землях она придерживалась иной политики.

– Эсме, мне и вправду не кажется, что так уж необходимо припирять дверь кроватью, – произнесла нянюшка Ягг, подтаскивая свой конец.

– Осторожность никогда не бывает излишней. И переборщить с ней нельзя, – резонно возразила матушка. – А что, если какой-нибудь мужчина вдруг решит покрутить ручку нашей двери прямо посреди ночи?

– Увы, мы уже не в том возрасте... – печально вздохнула нянюшка.

– Гита Ягг, ты самая...

Ее гневная отповедь была прервана странным водянистым звуком. Он донесся откуда-то из-за стены и продолжался некоторое время.

Потом прервался, а спустя полминуты опять возобновился – непрерывный плеск, постепенно переходящий в звук

сочащейся тонкой струйкой жидкости. Нянюшка заухмылялась.

– Кто-то набирает ванну? – предположила матушка.

– ...Ну, или кто-то набирает ванну. Одно из двух, – согласилась нянюшка.

Послышались звуки, сопровождающие опустошение третьего кувшина. Затем раздались шаги. Судя по ним, человек вышел из комнаты. Несколько секунд спустя за стенкой открылась дверь и опять послышались шаги – на этот раз более тяжелые. Еще через краткий промежуток времени загадочный сосед издал целый ряд всплесков и довольно заурчал.

– Ну да, какой-то мужчина принимает ванну, – произнесла матушка. – Эй, Гита, чем это ты там занимаешься?

– Да вот смотрю, нет ли тут щелки в стене, – откликнулась нянюшка. – А, вот, есть одна...

– Прекрати сейчас же!

– Прости, Эсме.

А затем до ушей двух ведьм донеслось пение. Это был очень приятный тенор – тем более ванная придавала дополнительный нежный тембр.

– О, покажи мне путь домой, я так устал, хочу забыться...

– Кто-то с немалой приятностью проводит время, – констатировала нянюшка.

– ...И где б я ни броди-и-ил...

Ведьмы услышали, как в дверь ванной комнаты постучали. После этого певец мягко перешел на другой язык:

– ...Пер виа ди terra...

Приглушенный голос произнес:

– Э-э, господин, я грелку принес, – сообщил чей-то приглушенный голос.

– Большшшшспэсибб, – с внезапным жутким акцентом отозвался принимающий ванну.

Шаги затихли в отдалении.

– ...Индикаме ла страда... возвращаюсь домой. – Всплеск, всплеск. – Добрый ве-е-е-е-ечер, друзья-а-а-а-а...

– Однако, однако, – произнесла матушка, больше обращаясь к самой себе. – Похоже, наш знакомый господин Лежебокс – скрытый полиглот.

– Надо же, как ты его раскусила! А ведь даже в щель не смотрела, – восхищенно произнесла нянюшка.

– Гита, есть хоть что-нибудь в этом мире, чему ты не в состоянии придать сальный оттенок?

– До сих пор ничего такого не встречала, Эсме, – бодро отозвалась нянюшка.

– Я имела в виду, что когда господин Лежебокс бормочет во сне или поет в ванной, то говорит в точности как мы. Но если существует хоть малейшая вероятность, что его кто-нибудь может услышать, он тут же становится с ног до головы заграничным.

– Наверное, чтобы сбить со следа этого подозрительного Базилику.

– Гм, почему-то мне кажется, этот Базилика очень близок

с Генри Лежебоксом, – усмехнулась матушка. – Более того, у меня создается такое впечатление, что господин Базилика и господин Лежебокс – один и тот же...

Ее речь была прервана негромким стуком в дверь.

– Кто там? – громко и решительно спросила матушка.

– Это я, госпожа. Господин Взрезь. Хозяин таверны.

Ведьмы отодвинули кровать, и матушка слегка приоткрыла дверь.

– Да? – подозрительно спросила она.

– Э-э... возница говорит, вы... ведьмы?

– И что?

– Может быть, вы могли бы... помочь нам?

– А что случилось?

– Да вот, у моего сына...

Матушка распахнула дверь шире. За спиной господина Взрезя стояла женщина. Одного взгляда на ее лицо было достаточно. В руках она держала сверток.

Матушка шагнула назад, уступая дорогу.

– Заходите. Я осмотрю его.

Приняв ребенка из рук женщины, матушка Ветровоск уселась в единственное имевшееся в комнате кресло и откинула уголок одеяла. Нянюшка, перегнувшись через ее плечо, тоже поглядела на мальчика.

– Гм-м-м-м, – через некоторое время протянула матушка.

И бросила быстрый взгляд на нянюшку. Та почти незаметно для постороннего глаза отрицательно качнула головой.

– На нашем доме проклятье, вот в чем дело, – сокрушенно произнес господин Взрезь. – Моя лучшая корова тоже слегла и, похоже, скоро отдаст концы.

– О? Так тут есть коровник? – произнесла матушка. – Лучше коровника места для лечебницы не найти. Там так тепло. Проведи-ка меня туда.

– Госпожа, а мальчика что, тоже брать с собой?

– И немедленно.

Посмотрев на жену, хозяин постоянного двора пожал плечами.

– Ну что ж, тебе, наверное, лучше знать, – сказал он. – Идите за мной.

Господин Взрезь провел ведьм по задней лестнице, через двор, и вскоре они уже очутились в сладковато-зловонном хлеву. На соломе лежала распростершись корова. При их появлении она безумно закатила глаза и попыталась что-то промычать.

Матушка втянула носом воздух. Некоторое время она стояла, погружившись в глубокие раздумья.

– Да, это подойдет, – наконец решила она.

– Вам что-нибудь понадобится? – спросил господин Взрезь.

– Только тишина и спокойствие.

Хозяин таверны поскреб в затылке.

– А я думал, вы будете читать заклинания или приготовите какую-нибудь там настойку... Или еще какую гадость, –

сказал он.

– Иногда мы так и поступаем.

– Это я к тому, если надо, я знаю, где можно найти жабу и...

– Мне понадобится только свеча, – прервала его матушка. – Большая цельная свеча.

– И все?

– Да.

Господин Взрезь выглядел несколько сбитым с толку. Как он ни старался это скрыть, что-то в выражении его лица неуловимо свидетельствовало, что, по его мнению, матушка Ветровоск не такая уж ведьма, раз ей не нужна жаба.

– А еще спички. – От внимания матушки не ускользнуло изменение в поведении хозяина таверны. – И колода карт тоже может пригодиться.

– А мне понадобятся три холодных телячьих окорока и ровно две пинты пива, – добавила нянюшка Ягг.

Господин Взрезь кивнул. Требования, конечно, не слишком жабы, но все ж лучше, чем ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.